

18+

Тюрин Михаил Тимофеевич

ВРЕМЯ УХОДИТ ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Михаил Тюрин

**Время уходит. Жизнь
продолжается. Повесть**

«Издательские решения»

Тюрин М. Т.

Время уходит. Жизнь продолжается. Повесть / М. Т. Тюрин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-595650-7

Книга, которую Вы держите в руках, написана автором в 87 лет. Эта повесть является творческим продолжением автобиографических и публицистических книг, опубликованных за последнее десятилетие.

ISBN 978-5-00-595650-7

© Тюрин М. Т.
© Издательские решения

Содержание

Эта повесть о том, что	6
Часть первая. О былом только думы	8
«Всё проходит!» Всё ли? А может что-то остаётся и ещё будет?	8
Глава первая. О гармонии в мироздании	14
«Люди встречаются, люди влюбляются»	14
Об искре Божьей	16
Глава вторая. Всякая дорога начинается от порога	18
О прозе взросления	18
«Эх! Лапти, да лапти мои...». Одежда в нашей жизни	20
О перипетиях на пути к взрослой жизни	21
Одни учатся, другие мучаются	23
Не в совокупности единство	24
Человеческий портрет и его «художники»	25
Воспитателей много: семья, школа, общество,... Кто главный?	27
Об источниках информации	29
Глава третья. Время, школа и ...надежды	32
Школа вселяет надежды, а усердие всё преодолагает	32
Школа даёт знания и пробуждает чувства	35
«Мы все в эти годы любили. Но, значит, любили и нас»	37
Все ручейки сливаются в море	38
Выпускной класс. Из детства к взрослым проблемам	38
«Хотел бы я парить орлом по поднебесью...»	41
Жизни без печалей не бывает	43
«...Тот образ во мне не угас...». Радость в печали	43
Глава четвёртая. Об устремлениях и препонах	46
«Хочешь быть счастливым? Будь им!»	46
Практическая реализация жизненного выбора	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Время уходит. Жизнь продолжается Повесть

Михаил Тимофеевич Тюрин

*Жизнь так быстра, и этот день не вечен.
И как бы мы не тцились, всё равно
В свой час придёт ему на смену вечер.
(Расул Гамзатов)*

© Михаил Тимофеевич Тюрин, 2023

ISBN 978-5-0059-5650-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта повесть о том, что

Земная жизнь человека, зачавшись в полной темноте, начинается с появлением его на свет Божий, который отныне и до скончания его века будет безучастно высвечивать обыденность, радости, огорчения и трагедии, непременно заполняющие человеческое бытие. И у каждого человека своё соотношение этих жизненных проявлений.

Человек, постоянно занятый добыванием хлеба насущного, редко задумывается о премудростях мироздания. Этим занимаются, в основном, специалисты – профессионалы, да некоторые ещё любители, вздумавшие на склоне лет прозреть что-то там за горизонтом. Рядовые же люди больше заняты проблемами собственного выживания именно здесь, на земле и их мало волнует «есть ли жизнь на Марсе» и какие-то системы и законы мироздания, знание которых мало чего может дать человеку для улучшения его собственного положения.

Будучи лишь микроскопической частичкой необъятной вселенной, человек живёт то ведь на земле, хотя и являющейся частью мироздания, но всё-таки имеющей и свои земные законы и порядки. Отношение к человеку этих двух систем совершенно разное.

Человек во вселенной всего-навсего квартирант. Ведь даже неизвестно откуда, когда и как он появился. А потому и порядки здесь установлены не им и изменены им быть не могут. Не по силам это человеку! И этот факт человечеством принимается как данность, от которой никуда не деться. Но для этой глобальной системы человек как живое существо совершенно чужой, безразличный для неё, совсем ничего не значащий для неё. Поскольку повлиять на неё он никак не может, а она живёт по своим законам, в которых человеку не отводится совершенно никакой роли. Даже если человечество, не дай Бог, исчезнет с лица земли, то в законах небесной механики и вообще в глобальном мироздании, скорее всего, ничего не изменится.

Другое отношение к человеку со стороны земного мира, в котором он полноправный участник всех происходящих здесь жизненных процессов. Здесь он свой для этого мира, это его естественная ипостась, он здесь родился, это его «родимый дом, который всех милее». Он с самого первого дня нахождения на белом свете ощущает на себе влияние «домашних порядков», да и сам не лишён возможности воздействовать на него («дом») с целью получения большего жизненного комфорта для себя. Исходя, конечно, из располагаемых им сил и возможностей.

И вся человеческая жизнь без каких-либо изъятий и есть результат этого взаимовлияния. Встав поутру ото сна и поблагодарив Господа за доброе самочувствие, человек хочет надеяться, что и день будет таким же светлым и удачным. И хорошо будет, если рабочий день пройдёт хотя и в суете, но результативно.

И так изо дня в день. Иногда и с лучезарной улыбкой на лице, которую даже встречные замечают, может даже, радуясь твоему настроению, а иногда с таким печально-тоскливым видом или, хуже того, с раскрасневшимся от негодования лицом, что все встречные «шарахаются» от тебя: «что-то у мужика случилось».

Так вот в разных цветах настроения пролетела аж целая неделя. Да что неделя? И лето оказалось таким коротким и невольно возникнет мысль о предстоящей осени и необходимости уже что-то «изобрести» к Новому году. И так пролетел, оказывается, целый год. В молодости-то не всегда задумываешься о быстротечности земной жизни, а в пожилом возрасте, когда «наши годы как птицы летят и некогда нам оглянуться назад», то «на душе всё больше чувства остывшие», потому что то, «что прошло – не вернуть никогда». «Пролетели радости. милые». Навсегда!

И невольно начинаешь задумываться о прожитом, в котором были и радости и печали, приобретения и потери. Всё чаще становятся думы о здоровье, о семье и отношениях «отцов и детей», о построенной для детей и внуков даче, которая оказалась никому не нужной. Есте-

ственно, и об устремлениях и достижениях в былой «производственной» деятельности. О подлунном мире, превратностях земного бытия и метаморфозах, происходящих в твоей семье и твоей родной стране и человеческом сообществе вообще, и, конечно же, о том, что хотя «все мы под Богом», но уж так хочется заглянуть туда, за горизонт, в будущее страны и мира.

И если ещё что-то осталось в памяти, начинаешь ворошить её. И хорошо, когда есть что ворошить, есть что вспомнить. О чём-то содеянном пожалеть, или порадоваться тому, что были в твоей жизни и значимые события, за которые благодаришь судьбу, а за другие, пусть единичные и даже несовершенные, вспыхнувшие только в мыслях, опускаешь очи долу от стыда. Опускай, не опускай, но «из песни слова не выкинешь», это было хотя и один раз, но и до сих пор огорчает.

Жизнь как по-разному складывается, так потом и по-разному вспоминается. Тем более, если «путь был далёк и долог», но теперь настало время, когда уже нельзя, невозможно повернуть назад. Ибо дорога жизни безвозвратна. Поэтому здесь будет к месту лишь пожелание и утешение одновременно: не жалеть о содеянном, ибо ничего уже исправить нельзя, - прошлое никак не вернёшь, а нужно всеми силами держаться за то, что было, есть и будет в этом мире. За жизнь! Оставаясь при этом человеком!

Именно об этом и идёт разговор в представляемой повести. О жизни! И о святом! О том, что выделяет человека на фоне всех созданных Творцом живых тварей. Во всех их проявлениях. Хотя объём этого разговора и ограничен лишь осмыслением в большей степени перечисленных выше фрагментов, и, конечно же, о том, как было в недалёком прошлом и как стало теперь.

В первой и второй частях книги, на основе располагаемых автором материалов, повествуется о не простой судьбе одной семьи, которая, как и множество ей подобных, не была обделена радостями и, к сожалению, тяжёлыми трагедиями. В третьей части книги и в некоторых главах второй изложены сугубо личные мнения автора по злободневным с его точки зрения вопросам. Касающихся и влияния возрастных изменений на поведение человека, и отношений между людьми, в том числе и близкими, и, несомненно, складывающейся внутренней и международной обстановки, теперь коренным образом ломающей привычные когда-то отношения между людьми и народами.

Несомненно, любой автор не вправе претендовать на абсолютную истинность его мнений, но он вправе ожидать от читателей любить его не предвзято, а судить, как и всех других. На что и будем надеяться.

Часть первая. О былом только думы

*«Не лети так, жизнь, на миг хоть задержись»
«Мне нужно этот мир как следует запомнить»
(Леонид Филатов)
«Но время ни на миг не остановишь...»
(Из песни)*

«Всё проходит!» Всё ли? А может что-то остаётся и ещё будет?

По-видимому, находясь под впечатлением от воспоминаний о когда-то уже состоявшихся в собственной жизни событиях, решил предисловие к первой части представляемой повести назвать «Всё проходит». Те события, конечно же, прошли, они в прошлом и никто против этого не возражает. Повторение же их вновь в том же виде, как и тогда, просто невозможно по многим причинам.

Укрепляло уверенность в правильности выбора и то, что очень часто приходилось слышать при общении людей друг с другом: «всё пройдёт, и печаль и радость», «ничто не вечно под луной» и многое другое на эту тему. Почему-то вспомнился С. Есенин со своим « Не жалею, не зову, не плачу», утверждавший, что « всё пройдёт, как с белых яблонь дым» и что он не будет «...вечно молодым».

А раз начались сомнения, то почему-то вспомнился и иной вариант предыдущего выражения, но уже в другом смысле, что «ничто не ново под луной». А это уже есть подтверждение той реальности, что многое из того, что есть во вселенной и на земле, существует вечно. «Итог» в сомнениях подвёл Экклезиаст, тысячи лет тому назад заявивший, что то, «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Действительно, если бы всё проходило, то ничего бы и не оставалось. Откуда ему было бы взяться. Как может пройти боль, причинённая гибелью на фронте самого дорогого человека, родного отца. Такое не проходит.

Все эти сомнения подвели к главному, основному выводу о том, что мир сложен, многогранен и неоднозначен в своих проявлениях, а потому всякие прямолинейные выводы не всегда уместны, более того, не всегда правильны.

В этом мире всё относительно и всё познаётся в сравнении. Каждое событие или явление во вселенной, на земле, в человеческом обществе непременно привязывается к какой-то точке отсчёта, а часто – и к конкретному интервалу времени. Египетские пирамиды в сравнении с продолжительностью жизни человека существуют вечно, а по сравнению с временем существования той же планеты Земля всего лишь миг.

Точно так же жизнь посеянного на огороде растения, начавшись весной, заканчивается осенью, продолжаясь всего несколько месяцев. Жизнь же человеческая длится значительно больше, годы, многие годы. А по сравнению со временем существования вселенной человеческая жизнь лишь только миг, хотя может быть и ослепительный.

Чем более длительный для рассмотрения взят интервал времени, тем больше в этот интервал уложится событий, о которых можно уверенно говорить, что они прошли (закончились). На коротком же интервале времени всегда будет больше событий вроде бы только что начавшихся. А среди прошедших (окончившихся) – будут лишь какие-то короткие, моментальные, что ли.

Человек, как житель земли, привык к тому, что здесь, на планете, вроде бы и нет ничего постоянного. Всё меняется и всё изменчиво. На смену тёмной ночи приходит ясный день, на смену зимней стуже приходит солнечная и тёплая весна, когда природа буквально оживает многоцветьем красок и жизненных проявлений.

Но не успели насладиться теплом и светом, как уже начались осенние дожди, краски начали меркнуть, птички, выполнив свою миссию по воспроизводству потомства, незаметно улетели на зимовку в тёплые края. Куда-то исчезли мошки, бабочки, не стрекочут больше кузнечики и цикады, ночи становятся всё длинней и холодней, деревья сбросили свой наряд, и природа замерла. Даже комары перестали надоедать. Жизнь что ли остановилась? Конечно же, нет! Закончился лишь очередной жизненный цикл, число которых в истории земли и сосчитать невозможно.

А то, что день сменяется ночью, человек постигает с первого дня своего появления на свет Божий, и потом никогда не сомневается в том, что просто не может быть какой-то иной последовательности смены времени суток и времён года. Отложившаяся в сознании эта реальность просто избавляет человека от каких-либо переживаний по этому поводу и необходимости отвечать на «глупые вопросы» типа «а что будет, если...». Ибо он твёрдо усвоил, что смена времени суток и времён года, приход на смену летним дождям зимних снегов, происходят как бы сами собой и от конкретного человека, даже от всего человечества, если бы оно решилось в благих целях изменить этот круговорот, совершенно не зависит.

Здесь приведена лишь малая толика примеров, свидетельствующих о том, как что-то закончилось, прошло, а что-то продолжается своим чередом. И нет ему ни начала, ни конца, и во многих случаях даже и объяснения. Ибо никакими парсеками невозможно измерить величие вселенной. И она как была необъятной, таковой и останется. И никто даже не заметит какого-то сжатия её, если и произойдёт что-то там, на «задворках», на расстоянии в... Впрочем, кто же может знать это расстояние?

Хотя космические пространства и завораживают, но это всё столь далеко и туманно, что земной житель, налюбовавшись закатным небом, прекрасно за ночь отдохнув, а потом, поутру, возрадовавшись восходу солнца, рождающему новый день, оказывается опять в повседневной обыденности, в которой он находится каждый божий день своей жизни. И думает, конечно, о превратностях своего бытия, жизни своей семьи, да и общества, с которым непосредственно связана его жизнь, в котором он и добывает свой хлеб насущный.

Именно общество своим устройством и законодательством подсказывает человеку, что ему нужно сделать для своего выживания, для блага его семьи. А человек прекрасно понимает, что увеличить продолжительность своего рабочего дня он может только за счёт собственного недосыпания, но никак не за счёт изменения астрономической продолжительности дня и ночи. Даже патологические идиоты не пытаются исправить эти природные часы. Хотя, в принципе, такие попытки предпринимались даже на государственном уровне, дабы вставать вместе с солнышком. Правда, ради экономии электроэнергии и облегчения работы транспорта. Конечно, изменить скорость вращения земли при этом никакая власть не пыталась. И то, слава Богу!

Жизнь вселенной вбирает в себя никем не измеренное число дней и ночей, лет, столетий, тысячелетий. Эпохи на земле сменяли одна другую, уходя в небытие, а земля, как была, так и остаётся прародительницей жизни и сегодняшней её носительницей, продолжая вращаться и вокруг собственной импровизированной оси, сменяя на своём лице ночи и дни, и вокруг солнца, плавно перенося человечество из одного времени года в другое.

А человечество живёт по своим законам. Нарождающиеся поколения приходят на смену отжившим своё. «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки». (Экклесиаст).

И этот круговорот вечен и никем, тем более людьми, не может быть остановлен. Такое немислимо, да и не по силам это людям! Любая же остановка носителя неизбежно приведёт

и к его гибели, и, скорее всего, к исчезновению жизни вообще. По крайней мере, в сегодняшних её проявлениях.

Мудрый дагестанский поэт Р. Гамзатов, по-видимому, знакомый с творениями Экклезиаста, увидел соотношения вечного и преходящего на земле в том, что: :

Земля-это люлька людская.
Качается люлька с людьми,
Веками качается, нам намекая,
Что мы остаёмся детьми.

Люди с их очень коротким (по сравнению с существованием мироздания) сроком пребывания на этом белом свете всегда будут оставаться детьми, ибо пребывание человека в колыбели кратковременно, а земля во вселенной «пребывает вовеки».

Таков удел земли нашей крутиться вокруг своего солнца, дающего и тепло и жизнь. И столь ли важно, что наша солнечная система несётся в какую-то неведанную для нас земляную галактику. Пусть мчится, ибо места на необъятных просторах вселенной хватит всем. Даже и тесниться не придётся. Впрочем, земляне никаких перемещений и не чувствуют, потому что они всё равно будут со своим солнышком. И эта реальность на веки вечные. Она не то, что продолжается, она всегда есть и будет. По крайней мере, до какой-нибудь, не дай Бог, невообразимой для сегодняшнего человека вселенской катастрофы.

Людям же вполне хватит места на земле. Если ею, конечно, распоряжаться разумно. Сколько сменилось на земле поколений, начиная вообще от зарождения жизни, сколько ушло в небытие и всяких форм существования уже человеческих сообществ? Кто их может сосчитать? Да и нужна ли эта арифметика обычному жителю земли? Главное для него, это оставить ему возможность беспрепятственно передвигаться по ней своими ножками, без всяких помех и назревающих ныне угроз для его существования.

Желание замедлить бег времени, конечно же, иногда возникает, особенно в пожилом возрасте, но оно больше воспринимается как красивая поэтическая мечта, сбыться которой не суждено. Никогда! Потому что «унеслась та ночь весенняя, ей не скажешь: «вернись, подожди!».

Поэтические просьбы к этому миру людей, подошедших к какому-то очень важному для них жизненному этапу, конечно же, до слёз умилительны и их хотелось бы удовлетворить. Но «время ни на миг не остановишь!», потому что система, несущая по вселенной землю с обитающим на ней человечеством, приведена в действие столь могучей силой, оценить природу и величину которой, как и то время, какое она уже работает, никому не дано. Человек по сравнению со вселенной настолько малая песчинка, что ею он просто не замечается. Проси, не проси человек этот мир остановиться, он остаётся глухим к этим просьбам, он их просто не слышит. Насколько они слабы и противоестественны для него. Даже изложенные в поэтической форме.

А разве жизнь не поэзия? Поэзия! Да ещё какая! У кого-то она рифмуется хорошо и со смыслом, вызывая уважение у одних, зависть у других, отторжение у третьих, безразличие у четвёртых и мало ли какие ещё могут быть эмоции в суждениях на твой успех. А у кого-то, к сожалению, жизнь пишется хотя и как стих, даже рифмованный, но без наполнения строф смыслом, а у некоторых — вообще «белый стих», в данном случае, -бессмыслица.

Кому же из вступающих в жизнь в этом мире не хочется спеть свою песню? Именно свою, сольную, пусть даже не для широкой публики, но обязательно доставляющее истинное удовольствие от её исполнения и самому себе, и твоей семье, Разве мало таких людей, для которых жизнь складывается как хорошая песня? Думается, что такие певцы, исполнители собственных арий, не такие уж и редкие под светом солнечной рампы.

Но «счастье для всякого не одинаково, и это тоже надо знать». Не повезло человеку с постановкой собственного голоса, такое ведь часто случается, когда при рождении «медведь на ухо наступает». Но и в этой ситуации человек, уверенный в своих силах, обладающий соответствующими способностями, вполне может найти себя в достойном для него и непременно уважаемом им самим жизненном хоре и состояться в нём как профессионал, как достойный человек, как любимый и любящий семьянин.

К сожалению, у значительного числа появившихся на свет новых жизней, «медведь» потоптался не только на ушах, но и изрядно по другим органам и частям тела. И теперь бедолаге с «оттоптантыми» данными уготовлена лишь участь подпевалы у какого-нибудь голосистого заводилы, или подвывалы в подворотне, где кормят и есть хотя бы конурка для укрытия от непогоды.

Так что в этой земной жизни «каждому своё», и «от судьбы не уйдёшь», хотя и каждому хотелось бы прожить отведенный Господом срок счастливо, в тепле и сытости без понуканий и науськиваний со стороны «сильных мира сего», в число которых непременно входит «любящая» вторая половина

Но, а если жизнь это поэзия, то, что тогда её проза? Ведь о прозе жизни говорят несравнимо чаще, чем о поэзии. Потому что возвышенное всё-таки больше для избранных, По крайней мере, так говорят в народе. А основная масса живёт именно этой прозой. А проза потому и проза, что она разная, во всех цветах и раскрасках, начиная от совершенно светлой до мрачной, и даже до кроваво-красной. Как и сама жизнь. Которая при сохранении этих цветов может быть ещё захватывающей и возвышенной, зовущей и отталкивающей, отвратительной и ненавидимой, и кровавой, и унылой, и просто серенькой, и такой, которую совершенно не хочется «читать», даже если она и «отпечатана» на гербовой бумаге.

Хотя вселенная велика и необъятна, но о жизни как таковой человечество знает только по её проявлениям на маленькой (по космическим меркам, конечно) земле. На которой помимо не подлежащих даже сомнению вселенских законов бытия, существуют и другие, сугубо земные, лежащие в основе зарождения и сохранения той самой земной жизни, а вообще говоря, и существования самого человечества. Речь, конечно же, в первую очередь идёт о законах природных, естественных, от человека не зависящих, и лишь потом о законах, сотворённых человеком.

В этом мире всё имеет начало, хотя о многих началах часто совершенно ничего не известно. Да и не стремятся многие люди к познанию тайн тех начал, с которыми человечество живёт уже веками. Свершилось когда-то что-то, не доставляет каких-нибудь неудобств живущим и, слава Богу, оно и воспринимается как должное. Привычное, как правило, не замечается.

Хотя и не всё начатое человеком имеет продолжение, но окончание, тем не менее, неизбежно, причём иногда в самых неожиданных формах. Жизнь любого живого существа, Божьего творения, единожды начавшись, неизбежно закончится. И всегда с одним и тем же результатом. У одних это произойдёт раньше, у других позже. Но неизбежно!

На жизненной стезе каждого человека есть две точки, к которым и привязывается продолжительность нахождения его, человека, на этом белом свете. Это даты его рождения и ухода в мир иной. Стезя может быть любой конфигурации: прямой как стрела, что бывает очень редко, либо ломаной, либо со всякими разворотами, не исключая и поворот назад.

В пределах же отведённого между этими точками для каждого человека жизненного срока не всё начатое им доводится до завершения. Неоконченных дел бывает часто больше, чем завершённых. Они, возможно, будут продолжены когда-то другими.

Между этими двумя фундаментальными (реперными) точками в жизни каждого человека и находится всё то, что обязательно связывается с понятиями «было и прошло», т. е. с конкретными датами или какими-то временными интервалами. Например, время заверше-

ния учёбы, прекращения активной трудовой деятельности, потери родных и близких, или обретения семьи и др. Подошёл человек к конечной точке своего жизненного «маршрута», и все эти даты и интервалы станут достоянием, может быть лишь родственников, если, конечно, такие сохранились. Уйдут и эти архивариусы, тут же испарится и память о том человеке. Как будто его и вообще не было на этом белом свете. Может только останется какой-то памятный знак на месте погребения. Если за ним ухаживать, чтобы и он не зарос травой- муравой. Коротка жизнь человеческая, даже в памяти потомков. Всего-то три, максимум четыре поколения. Увы!

Человек появляется на белый свет из тьмы зачатия в беспомощности, но совсем не для того, чтобы тут же отойти в мир иной, опять во тьму и нищету. Творец всего сущего дарует каждой появляющейся на свет твари определённую продолжительность её жизненного срока. Если верить Библии, то время пребывания человека на этой земле Господь определил в «...сто двадцать лет» (Бытие, 6.3). Он принял такое решение, «когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери» (Бытие, 6.1). Должно быть, к моменту принятия такого решения сменилось уже много поколений, прародителями которых были Адам и Ева. Хотя сам-то Адам по нынешним меркам жил очень долго. «Всех... дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет...» (Бытие, 5.5).

Представляете, что было бы сейчас на земле, если бы все люди жили по девятьсот лет? Господь, уже на шестой день от начала сотворения мира, создав мужчину и женщину, повелел им: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» (Бытие, 1.28). Божье повеление выполняется «автоматически», на уровне инстинктов (думать не надо, – Господь так решил!). А такой «автоматизм» без ограничения рождаемости (да ещё при Адамовой продолжительности жизни), привел бы к такой огромной численности населения, что орды живущих в поисках пропитания для себя буквально бы вытоптали землю, уничтожая всё, что могло бы пригодиться в пищу.

А без пищи ведь никак нельзя. Отсутствие пищи неизбежно привело бы к катастрофическим последствиям для существования самого человека, так как нельзя было исключить и проявления в больших масштабах, например, того же каннибализма, как способа выживания при отсутствии другой пищи. Ибо инстинктивная потребность в пище не может быть отменена даже самим Господом. Нет пищи, не будет и жизни. А тогда зачем она появилась? Это же противоречит Божьему замыслу на мироустройство. Но сколько озирающихся вокруг особей бы осталось в таком страхе и уверенности, что тебя рано или поздно всё равно сожрут. Ужас просто сопровождал бы такую, с позволения сказать, жизнь. А может это то же была бы цивилизация? Ответ может быть всяким.

Но эта опасность то же прошла, не приобретя глобального масштаба, сохраняясь лишь в каких-то первобытных племенах, да иногда ещё и среди цивилизованных «гурманов-алкоголиков», пускающих в расход на закуску своих же компаньонов по стакану.

Господь же мудр и предусмотрителен, а потому, когда у сотворённых им Человеков начали «рождаться дочери» и земля стала быстро наполняться людьми, он и ограничил человеческий век ста двадцатью годами. То, что принятое Господом такое решение является фундаментальным, подтверждается всей историей существования человечества, хотя и до этих воделенных лет доживает весьма ничтожная часть людей.

Но прошла ли опасность остаться человечеству без пищи? Оказывается, что далеко нет. И теория Мальтуса, в той или иной интерпретации, конечно, никуда не делась. Недостаточность продовольственных ресурсов вынуждает даже идти, как было, например, в полутора миллиардном Китае, на непопулярные меры, в частности, по ограничению рождаемости.

Китайцы для своего прокорма употребляют в пищу всех летающих, бегающих, прыгающих, ползающих, плавающих и прочих существ, что не может не приводить к всевозможным негативным последствиям. Весь мир с ноября 2019 года трясёт от последствий буквально свирепствующей пандемии коронвирусной инфекции, происхождение которой многие связы-

вают с 17-тимиллионным китайским Уханем, предположив в качестве причины её появления употреблённую в пищу плохо прожаренную летучую мышь. Может это и шутка, но ведь так и не установлено место зарождения этой заразы, парализовавшей весь мир, хотя происхождение её вполне может быть и рукотворной.

Но китайцы не были бы китайцами, если бы они довольно успешно не интенсифицировали и производство, в том числе, растительной пищи, которой они обеспечивают не только своё население, но осуществляют поставки и в другие страны, в том числе, и в Россию.

Пример китайцев, конечно, вдохновляет. Но их успехи не есть гарантия того, что и в других странах как продовольственная, так и другие жизненно важные проблемы будут успешно решены сегодня и навсегда. Мировых гарантов и благодетелей совершенно не просматривается. Нет их в природе!

А потому эта проблема ещё долго, даже может быть и очень долго, а может быть и вообще никогда не будет снята с повестки дня. По крайней мере, до урегулирования соотношения численности населения земли с объёмом ресурсной базы, в том числе и искусственного производства.

Итак, человеческая жизнь на земле существует в условиях постоянного воздействия на её носителя независимых друг от друга, по крайней мере, двух групп факторов: природных и общественно-социальных. Основой жизни являются природные факторы, проистекающие из законов мироздания, существующих вечно и никем не могущих быть отменёнными. Обеспечивает же зародившуюся новую жизнь на всех этапах её пребывания на земле всё то, что создано человеческим сообществом и постоянно стимулируется каждым человеком для своего собственного выживания. Эти факторы, являясь постоянными, тем не менее, отличаются и своей относительной недолговечностью, а потому и изменчивостью.

А жизнь на земле как таковая вечна и бесконечна, ибо она дарована Творцом в инстинктах по самосохранению и воспроизводству поколений. И она будет существовать постоянно. По крайней мере, до тех пор, пока не произойдёт какая-нибудь вселенская катастрофа, а разумное начало человека окажется неспособным её предотвратить.

Глава первая. О гармонии в мироздании

*«Разгадайте же природу»
(Козьма Прутков)*

«Люди встречаются, люди влюбляются»

(О «броуновском движении»)

Когда-то, ещё в те далёкие школьные годы, ученики узнавали о так называемом «броуновском движении», названном этим термином в честь Р. Броуна, наблюдавшего это явление с помощью микроскопа ещё в 1827 г.. В той сельской школе, в которой набирался знаний обычный деревенский парнишка Матвей, в годы его учёбы вообще микроскопов не было, тем более с увеличением в тысячи раз, но со слов учителя он хорошо понял, что даже в микроскопическом мире никакого спокойствия нет. Учитель очень убедительно рассказал о странных, на первый взгляд, «вихляниях» (беспорядочных движениях) частиц очень малого размера (микрометры и меньше), помещённых в жидкость.

Почему они так себя ведут? Откуда такая непоседливость? Казалось бы, попав в эту жидкость, ну и плавали бы себе, как говорится, на здоровье. Спокойно. Впрочем, о намерениях этих частиц и о внутренних характеристиках той среды, в которую они попали, тогдашней науке многое было неизвестно. И только в 1905—06 г. г. А. Эйнштейном и М. Смолуховским были даны убедительные, по мнению умных людей, объяснения названному явлению на основе молекулярно-кинетической теории. Согласно этим объяснениям жидкость, в которой оказались невинные участники громкого открытия, полным-полна прямо-таки отчаянных «драчунов», толкающих туда-сюда эти частички и, разумеется, своих собратьев. Этими «драчунами», по мнению указанных учёных, являются те самые молекулы, которых в любом веществе, в том числе и в той жидкости, так много, что и сосчитать невозможно. Правда, авторы совершенно не указали, какими же частями своего микроскопического тела молекулы толкаются. Главное, что толкаются!

Не будем и мы углубляться в эти научные дебри, - всё равно не поймём, но сделаем вывод, на мой взгляд, фундаментальный, о том, что в этом мире существуют многочисленные невидимые силы, которые, образно выражаясь, толкаются, вынуждая всё находящееся рядом трепетать от соударений и менять занимаемое положение. А так как толкачей много и толкаются они, не сообразуя свою непоседливость со своими же собратьями, то лишь одному Творцу известно, куда они могут затолкать. Но то, что затолкают обязательно, – с этим никто и не спорит. Одним словом, существующий мир есть сплошное «броуновское движение!».

Обратим внимание ещё на утверждения науки о том, что «броуновское движение» не ослабевает со временем и не зависит от химических свойств среды. Более того, интенсивность этого процесса увеличивается с ростом температуры окружающей среды и уменьшением её вязкости и, конечно же, с уменьшением размеров частиц.

Начатый здесь разговор, конечно же, не о «броуновском движении» как о таковом. Но лишь как доказательство того, что наблюдаемые в микроскоп хаотичные, а потому может быть и странные, перемещения микроскопических частиц, есть всё-таки не хаос, а своеобразная жизнь, таковая, какой она и является для тех молекул на занимаемом ими уровне существования. Их жизни, какой она и была сотворена для них. Впрочем, все эти рассуждения будут верны ровно до тех пор, пока будет признаваться верность атомистической теории строения вещества. Но суть всё-таки не в правильности этой теории, а в том, что и на таком уровне

существует какая-то жизнь и какие-то факторы, стимулирующие и сохраняющие вечно именно такую её форму.

А теперь оторвём свой взгляд от окуляров микроскопа и посмотрим вокруг себя, хотя бы на поведение себе подобных. Разве в окружающем нас человеческом обществе не такое же «броуновское движение»? Причём интенсивность этого движения действительно меняется при повышении температуры. Как в буквальном смысле слова, например, с наступлением весеннего тепла после зимней стужи, так и в переносном смысле, когда активность граждан может резко измениться, например, в связи с ухудшением их социально-экономического положения. А разве предоставленные гражданам широчайшие свободы и фактический отказ людей от многих моральных, этических и нравственных норм и правил поведения, ведущих к деградации человека и в этом смысле к его измельчанию, не усиливает интенсивность бурления в обществе? Ещё как!

Но, разумеется, схожесть процессов только с внешней стороны. Если под микроскопом у тех существ наблюдается только их, грубо говоря, вихляние без всяких иных (звук, мимика и пр.) признаков проявления какого-то критического отношения друг к другу, то в человеческом обществе каждый хотя и вихляется сам по себе, но до соударений с себе подобными стараётся не доходить. Разве только в каких-то форс-мажорных ситуациях или в искусственно созданных самим же человеком «мирных» условиях. Например, толкучка в общественном транспорте, в магазине и в каких-то других подобных ситуациях с большим количеством людей. И в этом смысле жизнь – это сплошная толкотня и вихляние, смысл которых теперь заключается в избегании столкновения без нужды с себе подобными. Это уже не молекулярный уровень, ибо вступает в силу разумное начало, стремящееся как-то упорядочить взаимоотношения индивидов.

Это очень важные выводы, раскрывающие суть мироздания и объясняющие причины происходящих изменений в человеческом обществе. Из понимания этой сути следует, что все мы в этом мире лишь мелкие частички, которых подвластны только Господу — Творцу «молекулы» куда-то толкают. Куда? Внимательный наблюдатель подметит, что хотя разных людей видимые и невидимые силы толкают в разные стороны, но для всего общества всё-таки просматривается равнодействующая, толкающая его в известное, по-видимому, только Господу направление. Правда, умные люди, хотя и памятуя о том, что «на всё воля Божия», всё-таки утверждают, что эти силы толкают человеческое общество к какому-то прогрессу, хотя конечную точку, до которой надо бы дотолкаться, определить никто не в состоянии. И вообще: существует ли такая точка? Никакого внятного ответа на этот вопрос пока нет. Может просто надо смириться с тем, что процесс движения общества вечен и бесконечен. И куда все эти Божии «молекулы» затолкают человека, известно только самому Творцу. Или и сам Творец в существующем сумбуре проявлений и поведения живого и неживого мира руководствуется теорией вероятности: «куда равнодействующая вытолкнет»? Или как?

Ну а нам-то, сирым, что делать? Стараться подставлять для толчков наименее болезненные части своего тела? Но ведь толкачей столь много, и толкаются они совершенно непредсказуемо во времени и пространстве, подчиняясь лишь своим собственным законам, что обычному простому человеку сохранить выбранную им самим траекторию перемещения в этом мире навряд ли удастся. Всё равно найдутся шустрые «молекулы» с «длинными руками», которые достанут в любом месте и затолкают туда, куда «Макар и телят не гонял», что возможно, когда большинство из них (молекул) в том мировом хаосе в данный момент и предпочло толкать. Кто-то их так «надоумил» и организовал!

Нет сомнений в том, что в этом мире равнодействующая многообразия всех природных и иных воздействий всё-таки проявляется, хотя она, тем более на длительное время, редко бывает прямой, получаясь чаще изломанной, зигзагами. Если бы она не проявлялась, то

не было бы и направления движения, а значит и самого движения. Но общество-то ведь как-то и куда-то движется.

О том, как (и меньше куда) движется общество, занимаются многочисленные научные направления. И здесь нет смысла и необходимости их ворошить.

Но вот о человеке, как квинтэссенции всего живого на земле, и по сути олицетворяющего жизнь на нашей планете, сказать можно вполне утвердительно. У этого «подобия Божьего» поведение раздвоенное, порождённое тем, что в своих действиях он руководствуется, с одной стороны, разумным началом, а с другой, – природными инстинктами, очень часто преобладающими, берущими верх над разумом. А в таком случае равнодействующая «ляжет» туда, кто, грубо говоря, возобладает: мозг или желудок с похотью. А отсюда уже будет формироваться обличье этого живого существа: лучезарное подобие Божье или прожорливая и похотливая, извините, ...скотина. Таковым будет и грядущее человеческое (человеческое ли?) общество.

Говорить о наличии у тех самых толкающихся молекул какого-то разумного начала вроде бы даже неприлично: «что и чем такие крохи могут соображать?». Но если не отрицать того, что «электрон так же неисчерпаем, как и атом», то почему бы и не предположить, что во внутренностях этих крох найдётся что-то такое, что роднит их поведение (на элементарном уровне, разумеется) с поведением человека, исходя из единства законов мироздания для микро и макро мира. Впрочем, здесь не всё так однозначно. Столкновение молекул в том «броуновском движении» происходит беззвучно и если бы не микроскоп, то и невидимо. Человек же при столкновении с себе подобным даёт волю своим чувствам, выражая их даже кулаками, но чаще всего, голосом (громко или тихо, исходя из чувствительности соударения): «ну и морда же!», или даже с умилением: «как хороша!», и даже может возникнуть желание продлить случайно произошедшее соприкосновение.

Об искре Божьей

И вот ведь как! «Толкаются, толкаются» люди и вдруг! Совершенно непредвиденный, случайный обмен взглядами и в отличие от молекул, только толкающих друг друга (это объяснение не автора, а упомянутых выше учёных), между людьми проскакивает какая-то невидимая искра, притягивающая их друг к другу. (Здесь речь идёт о поведении разнополых индивидов и категорически не хотелось бы такое допускать среди однополых извращенцев). И очень часто от такого притяжения возникает человеческая семья, в которой далее по жизни будут и ещё большие притяжения, и толчки, даже отталкивания, резко могущие изменить и вообще судьбу когда-то сформировавшейся семьи. Ведь сколько известно случаев, когда по каким-то причинам притяжение людей друг к другу со временем ослабевает, а толчки начинают быть всё более чувствительными до такой степени, когда силы притяжения не могут уравновесить силу взаимного, да даже и одностороннего отталкивания. В отличие от молекул, у людей, как правило, силы (условные, конечно, но не физические!) соударения или отталкивания разные, что даёт преимущество более сильному одному решить судьбу семьи. Здесь, по сути, описан естественный вариант создания семьи, да её и распада то же, в основе которого лежат природные инстинкты.

Но есть же и другие варианты, когда молодых (а может и уже не молодых) людей сводят друг с другом для образования семейных отношений. Такой вариант почти всегда состоятелен, потому что разумное начало человека включает в процесс сближения двух людей совершенно иные мотивы, уж никак не делающих акцент на существующих в природе силах отталкивания. Хороши бы были сваты, которые вместо пожелания мира и благоденствия брачующимся нарисовали бы им красочную картинку их взаимного отталкивания в первый же день их совместной жизни.

Рассматривая всего лишь два (могут быть и другие) варианта создания семьи, по-видимому, навряд ли многих вступающих в брак людей будет занимать влияние постулатов молекулярно-кинетической теории на прочность создаваемого тем или иным образом союза. Чихать они хотели на эти неведомые для них постулаты, так как основу их взаимоотношений будет определять даже не их любовь друг к другу («с милым и в шалаше рай»), сколько меркантильные соображения во всех их проявлениях. Но при любом варианте создания семьи, в том числе и при использовании сватовства, всё-таки приоритет отдаётся случаю, когда между молодыми людьми, стремящимися к созданию семейного союза, проскакивает та самая упомянутая выше искорка, побуждающая их к взаимному притяжению. Этот процесс действительно является естественным, природным, основанным большей частью на инстинктах во всех их интерпретациях, свойственных вообще животному миру. Но привязывать прочность и долговечность созданного таким образом союза только к природным инстинктам, по-видимому, будет не совсем справедливо, так как в человеческом обществе заметную роль играет всё-таки разумное начало, которое во многих случаях и является гарантом сохранения семьи.

В завязывании семейных отношений у пожилых людей, в том числе и уже бывших ранее в браке, роль упомянутой искорки, разумеется, не исключается. Ибо в живом всегда проявляется живое, тем более, что у встретившихся «двух одиночеств» не может не быть желания «разжечь костёр», который согревал бы их на выбираемом ими совместном жизненном пути. Но ведь часто даже при наличии той самой искорки «костру разгораться не хочется». То ли очень слабенькая искорка, как бывает когда «спички отсырели», то ли быстро иссяк запас горючего материала, то ли он «не того качества», чтобы долго поддерживать устойчивое горение. Для каждой пары будут свои обстоятельства и не нам их здесь все исследовать. Хотя хороший костёр всегда в удовольствие, но рассчитывать на него в условиях естественно усиливающихся в пожилом возрасте всяких замедляющих процесс горения старческих факторов, уже не приходится. Поэтому в такой ситуации приоритеты в создании семьи менее всего диктуются природными инстинктами, стремлением (желанием) разжечь костёр, ибо понятно, что запасы «топлива» с годами будут только иссякать. В таком возрасте более актуальными становятся прагматические соображения о создании более или менее комфортных условий, обеспечивающих приемлемые взаимно уважительные отношения, облегчающие жизнь пожилых людей.

Вся эта философия приведена здесь с единственной целью показать, что судьбы людей, хорошо известных автору этого повествования и о которых пойдёт далее речь, сложились в естественных условиях земного бытия, которое, как и всё в этом мире простирается от низменного до возвышенного, от возвышенного до трагического. Роптать на ширину этого диапазона человеческих страстей и переживаний совершенно не стоит, ибо изменить то, что дано человеку Творцом, под силу только дьяволу. Ну а то, что эти люди встретились и у них сложились определённые отношения, виновато то самое «броуновское движение», но, естественно, общественного уровня.

Глава вторая. Всякая дорога начинается от порога

О прозе взросления

Только с годами человек начинает осознавать, что в его памяти сохранилась информация лишь о значимых событиях, а от многих других остались какие-то фрагменты, по которым невозможно восстановить картину произошедшего целиком, а потому складывается впечатление, что как будто их, событий, и не было, или они прошли мимо него, там, на отдалении. А если не было таких значимых событий, то и вспомнить нечего. Как будто бы и не жил человек, как будто жизнь пронеслась галопом и в этой гонке силы расходовались лишь на то, чтобы удержаться на своём «скакуне», который может быть и резвым, и степенным, и даже хромым. Кому какой достался или какого сумел зауздать и оседлать, и на которого усадили, либо сам же и взгромоздился.

Ну а если не сумел ни зауздать, ни оседлать выбранного «скакуна», а всё-таки взгромоздился на него, то все силы уйдут на то, чтобы удержаться за что придётся, хотя бы за «гриву» или за «хвост». Тут уж не до созерцания окрестностей. Удержаться бы. «Не до жиру, быть бы живу!». Более того, если не накинута узду и не смог прочно закрепить седло, то можешь и оказаться под копытами и неминуемо будешь покалечен или вообще, хуже того, растоптан. А если и выживешь, то, что ты увидишь на уровне ног тех скакунов, на которых гарцуют удачливые и смелые, сумевшие и накинута узду, и прочно закрепить выбранное самим или доставшееся при дележке нужное седло, и усесться с комфортом, чтобы смотря вдаль, выбрать для себя наиболее хорошую дорогу. А её скорее отыщут те, которые оказались в седле. Сверху-то виднее. Это реалии земной жизни.

Знал ли эти реалии в начале своего жизненного пути обычный сельский парень Матвей (в кругу сверстников чаще просто Мотя, у которого и крестную мать Матрёну по-сельски то же звали Мотей)? Несомненно, знал, ибо за наукой ходить далеко было не нужно. Большинство его сверстников так же месило грязь, о скакунах и не мечтало из-за отсутствия в их краях таковых вообще, а взгромоздиться на быков (точнее волов), которые имелись в колхозе, пытались многие. И каждый раз затея прокатиться на этом виде транспорта заканчивалась падением на землю. Потому что седла для рогатых придумано не было, сидеть же на выпирающих костях отощавших за зиму волов, было, мягко скажем, не комфортно, да и сами волы были настолько вольнолюбивы, что ничьего сидения на своём горбу не терпели и норовили рогом защитить своё естество, предназначенное природой для других целей.

Это, конечно, не аллегория, а самая настоящая быль, характеризующая тот уровень жизни, с которого деревенские ребята стремились подняться хотя бы на малую высоту, чтобы увидеть подальше, удовлетворив тем самым свою любознательность, что и дальше там такая же непролазная грязь и нужда. Что это так, многие убеждались, когда по какой-нибудь великой надобности приходилось прошагать 25 км. в районный центр, чтобы в соответствующей властной послевоенной лачуге какой-нибудь хромоногий начальник, выслушав твои стенания, отправлял тебя тем же путём в твоё родное село для решения твоего вопроса «местной властью». Умело тогда районные начальники «поднимали престиж» сельского совета, состоящего из секретаря и председателя. Секретаря знали все, -он ведь выдавал нужные рукописные (никаких печатающих механизмов не было) справки, часто только за своей подписью и с печатью на небольшом клочке бумаги (очень экономили). Председателя знали меньше, -он справок не выдавал, хотя часто их и подписывал, а членов совета вообще не знали. Что они могли сделать в таких же лаптях и онучах, как и абсолютное большинство просителей из населения.

Не было у них ни власти, ни положения, ни денег и, как следствие, никакого уважения как к власти в их лице.

Но всё дальше уходили годы той страшной войны, лапти потихоньку заменялись на сапоги или ботинки (по достатку каждого), хотя и самого примитивного фасона, но ведь из кожи же, которые можно было носить в любую погоду. Это потом пошла обувь из кожзамениителя и даже для лета из парусины. Но в любом случае это были уже не лапти с онучами. Правда, Матвей ещё весь 8-ой класс (шёл уже 5-ой год после окончания войны) проходил в лаптях, ботинки купить было не за что. А ботинки ведь в то время переводили любого сельского жителя, тем более молодого, фактически на другой, более высокий, относительно, конечно, социальный уровень. Но в этой жизни не всё так однозначно. Хотя в ботинках можно было уже смелее подойти к понравившейся однокласснице, но по всеобщему признанию в школе зимой в лаптях было ногам теплее, чем в каких-нибудь тесных ботинках. Отопление то было печным и не во всех классах. Когда тепло ногам, то это хорошо. Но лапти в 8-ом классе на мальчишке это уже плохо. Потому что в классе появилось много девочек из соседних деревень и все в туфельках-ботиночках.

А в этом возрасте уже начинают проскакивать между мальчиками и девочками те самые искорки на сближение, а когда мальчик в лаптях, то моментально срабатывает принцип «бруновского движения» на отталкивание. Лапоть он и есть лапоть. Но Матвея выручало то, что он учился отлично, а потому и утверждение о том, что «встречают по одежке, а провожают по уму» делала своё дело. Отношение одноклассников к нему формировалось не по его одежке, часто несурзной, а по его ответам на вопросы учителей, по оценкам за контрольные работы, за выполнение домашних заданий. Но при этом «отличник» был очень застенчивым, стеснительным и смелости даже не хватало на то, чтобы участвовать в школьной художественной самодеятельности. Куда уж тут до того, чтобы закрутить роман.

Как же, «артисты» на сцене видны со всех сторон, а сельский зритель весьма критичен не только к мастерству «артистов», но и к их одеянию. Если мастерство дело наживное и его за счёт репетиций, несомненно, можно достичь, то где взять более или менее приличную одежду, в которой не стыдно было бы предстать перед зрительным залом. Одно дело быть в классе, где внимание всё-таки уделяется, прежде всего, учёбе, но не одежде и обуви. Выход же на сцену автоматически переводит того же ученика в положение фактически воспитателя, который просто обязан быть безупречным не только в своих словах и действиях, но и во внешнем виде. Сложившиеся внутренние убеждения не только у Матвея, но и у многих его одноклассников, не позволяли им выставлять напоказ то, чего они стеснялись и от чего испытывали внутренний дискомфорт. Как тут не робеть?

Казалось бы, ради собственного духовного развития и даже большей узнаваемости среди сверстников и сельчан можно было преодолеть и робость, и не смущаться своей неказистой одежонки. Но, с одной стороны, сложившийся патриархальный образ сельской жизни никак не стимулировал «выставлять себя напоказ». А с другой, – на поведение ученика существенное влияние оказывала всё-таки школа и чеховское «в человеке должно быть всё прекрасно: и одежда, и душа, и мысли» заставляло многих учеников внимательно оценивать своё отражение в воображаемом (импровизированном) зеркале. Почему в импровизированном? Да потому что у многих дома не было даже такого атрибута в убранстве их жилья как зеркало. Ничего не поделаешь. Нищета и послевоенная разруха вкупе с менталитетом сельской жизни просто вынуждали многих жителей обходиться не только без зеркала, но даже и не умываться ежедневно, тем более, с туалетным мылом, которого, естественно, никогда не было, и чистить зубы с зубным порошком (тогда паст и в помине ещё не было).

Такая, даже простейшая «парфюмерия» ещё очень долго не была в обиходе. Матвей впервые почистил зубы только после окончания 7-го класса. И то всего только один раз совершенно случайно, когда много ребят со всей улицы пришли пообщаться с только что вернувшимся

домой после долгой семилетней военной службы в Германии сержантом Сергеем Васильевичем (с 1943 г. служил в разведке и принимал непосредственное участие в боевых действиях, в том числе и в штурме Зееловских высот на подступах к Берлину). Ребята интересовались, конечно, за что «дали» столько много наград, почему так долго пришлось служить. Всем ребятам выделили по кусочку сахара, что им явно понравилось, но когда самый, должно быть, любопытный парнишка, поинтересовавшись назначением такой красивой щёточки, лежавшей на подоконнике, получил ответ, что она предназначена для чистки зубов, то у ребят моментально появилось желание тут же попробовать этот инструмент в действии. Ведь о том, что люди чистят зубы, ребята уже знали, но как это делается, им, конечно, было неизвестно. Служивый не только разрешил попробовать, но и открыл наполовину заполненную каким-то белым порошком коробочку. Все присутствующие в порядке «живой очереди» одной этой щёткой фактически очистили коробочку от порошка, но восхищения тем, что щётка побывала на зубах, явно не было, о чём свидетельствовало недоумённое выражение лица у большинства экспериментаторов. Наверяд ли много ребят после этого приобрели средства для чистки зубов. Матвей точно ничего не приобретал. За какие такие шиши, да и где? За этим надо было шагать в районный центр. Да, по-видимому, и Сергей Васильевич надолго, по крайней мере, до очередного посещения райцентра, не мог воспользоваться этим благом цивилизации.

В какие-то такие артисты пойдёшь с неумытым лицом? Конечно, молодость выручала: ни от кого не смердило, хотя баню и знать не знали из-за её отсутствия, а искупаться можно было только летом, в речке или в заполненной водой воронке от взрыва 500-граммовой бомбы. Так вот доходила тогда до ребят цивилизация. Зубную щётку не знали, но в калибрах бомб и снарядов разбирались. Да так разбирались, что бомбы или мины при их разборке сами лишили многих ребят рук, ног, а некоторых и жизни. Всё было!

«Эх! Лапти, да лапти мои...». Одежда в нашей жизни

И всё проходит! О лаптях ребята довольно быстро забыли, как будто они их никогда и не носили. А послевоенные фуфайки-телогрейки ещё долго служили и старым, и малым, как единственно доступная и достаточно удобная одежда практически для всех возрастов и всех времён года. В те тяжёлые годы пальто было всё-таки экзотикой, доступной лишь сельской интеллигенции. И не потому, что у них денег было много. Просто положение обязывало экономить на всём ради того, чтобы «на публике» выглядеть достойно, а вообще говоря, чтобы не быть противным себе самому. По-моему, это главное для любого человека.

Одежда, конечно, для современного человека весомый довод в подтверждение того, что стыд не прикрывает только скотина. Качеством этого прикрытия можно было быть и довольным, что часто реально и было, но все недовольства снимались ответом на единственный вопрос: «есть что-то лучше?». Конечно же, нет! Откуда оно возьмётся. Одевали то, что было. И об этом все знали по собственным гардеробам. А потому и не спрашивали. Ибо часто на многих ребятах были очень примитивно сшитые вручную мамой или бабушкой холщовые штаны, кое-как окрашенные анилиновым красителем, какие удавалось приобрести в райцентре. А иные «щеголяли» и в некрашеных штанах из-за отсутствия хотя бы одного пакетика краски. Через неделю носки об их первоначальном светло-сером цвете напоминали лишь редкие более светлые пятна в недоступных местах, и зачастую уже было трудно назвать материал, из которого они были сшиты.

Но то время ушло безвозвратно. А изменилось ли что-то в поведении людей, в их восприятии той же одежды как необходимого для жизни атрибута? В теперешнее время очень мало кто страдает от отсутствия или плохого качества одежды, – её стало «девать некуда». Более того, сегодня наметилась явная тенденция носить одеяния, позволяющие «без стыда и совести» демонстрировать все «прелести» человеческого тела, женского, конечно. (а у муж-

чин, какие прелести?). Правда, надо признать, что стремление публично «раздеться» появилось совсем не вчера. Ещё в 70-80-ые годы прошлого века о наметившейся тенденции упростить одежды, сделать их «прозрачными», вещали известные куплетисты даже с эстрадных подмостков, любуясь женщинами, у которых «сверху кофта из нейлона, снизу то же ничего».

Эта тенденция в развитии моделей одежды не могла, естественно, оказать существенного влияния на жизнь людей, тем более, не отменяла другие их устремления. Конечно, об этом легко говорить сейчас, когда все одеты и обуты. А тогда!

А тогдашние одежды и очень, очень скудный «хлеб насущный» были следствиями великой нужды, порождённой той страшной войной. Но несмотря и на эти неимоверно тяжёлые условия, большинство молодых людей жило надеждами на то, что они найдут достойное для себя место в стране, настойчиво восстанавливающей разрушенное войной хозяйство. Потихоньку улучшалась одежда и обувь, и появлялись возможности по их приобретению, в магазинах начал появляться хлеб, сельское хозяйство оснащалось новой техникой благодаря создаваемым МТС и т. д., Страна жила и накапливала силы. В то время информация о происходящем в стране была довольно скудной и, конечно же, идеологизированной. Но, тем не менее, молодые люди всё чаще и чаще, переходя из класса в класс, впитывая в себя и господствующую идеологию, менее всего обсуждали качество своих ботинок и штанов, а больше говорили уже о своих перспективах получения высшего или хотя бы среднего специального образования, либо об устройстве на работу.

О перипетиях на пути к взрослой жизни

Взросление, на взгляд Матвея, начинает «рассортировывать» всех молодых людей по определённым категориям. Это слово, может быть, не совсем подходит для объяснения формирования из первоначально фактически разделённых (по крайней мере, до школы) молодых людей неких смысловых, может быть, точнее, больше всё-таки абстрактных сообществ (не коллективов!), отличающихся друг от друга кругом интересов, поведением, устремлениями и пр. Суть этой рассортировки состоит в том, что каждый индивид в соответствии со своим физическим здоровьем и уровнем умственного развития, материальным и общественным положением воспитывающей его семьи, традициями и менталитетом общества, в котором он живёт, спонтанно занимает своё место в упомянутом выше формальном абстрактном сообществе. Занятое таким образом место становится отныне стартовой площадкой для дальнейшего шествия по жизни. Хватит места для старта и хорошего разбега, наберёшь хорошую скорость, тогда и появляется шанс добежать раньше других до возжеленной цели. Ведь нельзя, категорически нельзя, медлить, ибо там, куда стремишься, места на всех может и не хватить. Такова она «се ля ви». Такова проза жизни!

В условиях сельской жизни, таких стартовых площадок было не так уж много. Послевоенный очень низкий уровень жизни и отсутствие видимых перспектив по его подъёму не позволял большей части населения даже только хотя бы мечтать о желаемых облегчениях. Кто же не хотел появления электрического освещения в деревенских избах, проезжей в любое время года дороги, хотя бы от райцентра до села, кто же был против увеличения на полях необходимых машин и механизмов, облегчающих труд людей. А уж мечтать о далёких мирах вообще было утопией, потому что вся жизненная философия того времени заключалась в элементарном стремлении выжить, не умереть от голода и от холода. Не было ни жилья, ни хлеба. Таков результат гитлеровского нашествия. После довоенного относительного благополучия послевоенная разруха совершенно не представляла возможностей голодному люду, образно выражаясь, воздеть очи к небу и почувствовать в себе потребность «пересчитать звёзды».

Легко ли было дожить тогда до появления такой потребности? Очень тяжело! Многие сверстники Матвея так и не стали даже «мечтателями». Нужда и семейный уклад у многих

из них вынуждали искать пропитание для тела на земле. От звёзд исходил лишь бледный мерцающий свет, не дающий ни тепла, ни пищи. О духовной пище, как помнится Матвею, вообще никогда речь не шла. Среди ребят даже в обороте такого термина и понятия не было. Но это совершенно не означает, что в душах мальчишеских был лишь сплошной мрак. Нет, конечно. Там всё-таки теплились маленькие огоньки, свидетельствующие о том, что есть ещё и другая жизнь. Бледный свет этих огоньков позволял, хотя и призрачно, не то чтобы увидеть эту желаемую жизнь наяву, но хотя бы в мечтах. В этих невероятно тяжёлых условиях не всякому хватало сил и настойчивости, чтобы еле теплящиеся в душе огоньки становились факелами, позволяющими обеспечить переход детских мечтаний в конкретные очертания в реальной жизни. И в возможности из «искры возжечь пламя» огромная роль принадлежала школе. Как бы не относились к советской власти, но именно она, сразу же после изгнания немцев, организовав в невероятно трудных условиях возобновление школьного обучения при отсутствии школьных помещений, учебников, бумаги, карандашей и т. п., приближала практическую реализацию той самой естественной потребности в познании миров.

В условиях села среди всех ребят выделяли, прежде всего, тех, кто хорошо учился в школе, кто читал книги. О содержании прочитанных книг при случае рассказывалось другим. Но Матвей уже тогда заметил, что разговоры о прочитанном получались лишь с теми, кто и сам что-то читал. Но кто же из одноклассников, да и вообще из сверстников Матвея мог похвастаться, что он прочёл гениальнейший труд М. А. Шолохова «Тихий Дон»? Не было таких! Кстати, почему-то в библиотеке сельского клуба «Капитал» Маркса был, а книг М. Шолохова вообще не было. Точно так же ни «Тихого Дона», ни «Поднятой целины» не было и в школьной библиотеке. Матвею книгу «Тихий Дон» дали почитать всего на несколько дней, и он, ночами, при тусклом свете керосиновой лампы, с удовлетворением осилил эту великую эпопею о жизни казачества, о гражданской войне на Дону, о постигших этот удивительный край страданиях и бедах. Когда в боях и даже от случайного выстрела гибли родные и любимые люди, когда надежды иссякали, а разочарования мешали трезво оценивать складывающуюся обстановку в станицах, да и вообще в стране. Матвей хорошо помнит, что обменяться своими впечатлениями о содержании книги так и не пришлось. Не с кем было! Точно так же Матвей долго в одиночестве домисливал, почему это «ночь не так черна, как человек» после прочтения книги В. Гюго «Человек, который смеётся». Впрочем, хотя книги В. Гюго, А. Дюма и других известных зарубежных писателей и были в школьной библиотеке, но большим спросом они не пользовались. Так Матвею запомнилось.

И ещё Матвей заметил, что читали книги сверх школьной программы как раз те, кто хорошо учился. По прошествии многих лет он убедился в том, что чтение дополнительной литературы по изучаемым предметам, и художественной по вкусу, даже газет и журналов, способствует лучшему усвоению учебного курса любого заведения. Кто бы сомневался, что книга (а вообще все средства информирования) это источник знаний, и чем больше их прочтёшь, тем больше увеличиваешь свой бесценный капитал, объём информации, который только накапливается и никогда не уменьшается.

Подавляющая же часть молодых сельских парней держала в руках лишь только школьные учебники, а выслушивать рассказы о содержании каких-то других книг помимо школьной программы, как правило, игнорировала. Но, тем не менее, эти минималисты, довольствующиеся только школьным учебником, формировали, как принято говорить сейчас, имидж, читающих ребят. Хотя бы тем, что книголюб, а он, как правило, успешный ученик, при необходимости может помочь найти ответ на неожиданно возникший «не школьный» вопрос, или позволит списать решение не выполненного самим домашнего задания по арифметике или по физике. В средней школе Матвей входил в очень небольшое число хорошо успевающих учеников, но списывать позволял не всем, отрицательно относясь, прежде всего, к откровенным лентяям. Но зато у него был друг, которому все три года (8—10 классы) всегда помогал

делать уроки. Вот такова вкратце одна из категорий молодых людей, начинающих практическое вхождение во взрослую жизнь в то, далёкое теперь от нас время.

Современная же молодёжь выросла в совершенно иных условиях, чем описываемые выше, имеет теперь в своём распоряжении богатый набор источников информации, в том числе и технических средств, о чём тогда даже и представления не имели. Просто ещё время таких средств не пришло. Но в поведенческом плане, отношение к обучению и получению знаний, по-видимому, остаётся практически таким же, но теперь предпочтение отдаётся общению с разного рода гаджетами, игнорируя в большинстве случаев традиционную книгу как источник знаний. Другое время, другие возможности, но характер поведения человека формируется не только воспитательной работой с ним в семье, школе и обществе, сколько заложен природой человека. И именно она изначальна, а потому и наиболее прочна.

Одни учатся, другие мучаются

Образовательный процесс в нашем государстве как тогда, так и сейчас охватывает практически поголовно всю молодёжь, большая часть которой искренне стремится, а гораздо меньшая часть, – просто принуждается к образованию. По мнению Матвея, отношение к учёбе значительной части ребят, даже стремящихся к образованию, было как к обязательной, но всё-таки больше рутинной работе, которую они обязаны просто закончить в установленные сроки, не понуждая себя выполнить её с высокой оценкой. Как получится! Потому, должно быть, многие из них «образовывались» в средней школе не ради того, чтобы продолжить образование в высшей школе, тем более, стать известными в том же сельском обществе. Матвей не помнит таких умников, которые выпячивали бы себя как отличников учёбы. Правда, их вообще было мало. Как правило, это были, если можно так сказать, «тихо известные», скромные, но целеустремлённые труженики, настроившие себя на познание того, «что, как и почему» в заинтересовавших их областях науки и техники, которые мало что имели общего со школьной программой.

Интересно отметить, что желающих вникнуть в процессы, происходящие в советском обществе, тем более, критиковать действующую власть, среди одноклассников Матвея не было и близко. Хотя рядом были те, у которых «язык подвешен», умеющие говорить «складно». И если эти ребята учились без двоек, то часто их путь лежал в секретари или члены бюро комсомольской организации класса, а то и всей школы. Но на эти «вожаческие» посты редко шли сами без нажима со стороны учителей и директора школы. Хотя старшие «товарищи» прекрасно знали, что условием эффективности этой работы должно быть, по крайней мере, призывание к ней, основанное на глубочайшей убеждённости в пользе для людей реализации провозглашаемых лозунгов и умении их осуществить, которого чаще всего у фактически назначенных на эти посты молодых людей никогда не было, да и желания «пахать» то же. Даже ради определённой известности, конечно, чаще всего ограниченной стенами школы.

В противоположность, например, гармонистам, тем более хорошим, которых знало всё огромное село и даже за его пределами. Лучшей им рекомендацией служило даже не столько качество владения инструментом, сколько то, что они вообще играли и были центром притяжения, вокруг которого вечерами собиралась сельская молодёжь, жаждущая танцев, как средства общения и отдыха от тяжёлого повседневного сельского труда. Были и настоящие виртуозы, правда, единицы, вокруг которых собирались летними вечерами, а чаще во время зимних праздников, например, рождественских (святки), просто послушать, сплясать, а то и спеть под их аккомпанемент любимую сельским населением песню.

И такой образ жизни считался нормальным, потому что ни о каком другом молодёжь не слышала, тем более, не видела. Это сейчас у каждого, извините, ещё «сопливого» подростка в руках и телевизор, и радиоприёмник, и газета с книжкой. И всё в одном «флаконе», то

бишь, гаджете. Потому значительная масса молодых людей не видела для себя никаких других возможностей в жизни, как следовать по пути родителей, тружеников, без всяких публично выражаемых высоких мыслей. Какая-то часть сельских парней уходила в города, чаще всего на промышленные предприятия, где и пыталась «выбиться в люди». Но в большинстве случаев такое перемещение осуществлялось после завершения службы в армии, а призыва, как правило, все ждали в родительском доме. Это было практически правилом, так как ещё свежи были в памяти ужасы войны с гибелью самых дорогих и любимых, поэтому родители старались подольше удержать около себя своих деток. В первые 5—7 послевоенных лет проводы на воинскую службу устраивались с застольем (по средствам, конечно), в котором участвовали все родные и близкие, товарищи и соседи, да так, как будто парня провожали на войну, как будто навсегда. Война оставила в сознании всех наших жителей, особенно у тех, кто осиротел, горькую память о всех её ужасах. Такое не забывается и даже время бессильно. Оно может лишь приглушить боль.

Не в совокупности единство

Вспоминая те юношеские годы, Матвей, давно уже ставший Матвеем Трофимовичем, хорошо помнит, что в среде своих одноклассников и вообще сельской молодёжи были не только патриоты, готовые без всякого отнекивания исполнять святую обязанность служить Родине, но и другие категории молодых людей. Конечно, не такие многочисленные, но, тем не менее, оставлявшие свой отпечаток на облике того общества. Были и откровенные бездельники с воровским уклоном, были и «пацаны», которых боялись из-за их бандитских наклонностей. Были и просто увечные от природы страдалцы, были среди молодёжи и такие скалозубы, кто даже потешался над ними, практически беззащитными. Матвей сторонился таких охальников, но очень редко совестил их, потому что и себя чувствовал, вроде бы, как и виноватым за присутствие в этой ватаге.

Конечно, эти категории населения не делали «погоды» и не могли изменить это, к сожалению, тёмное (по уровню образования) сельское общество. Ибо в подавляющем большинстве оно традиционно было обществом тружеников, надеявшихся больше на себя и на Бога, чем на власть, хотя, когда было очень трудно, все были уверены, что советская власть их не бросит. Были и те, кто веровал в Бога, что, конечно же, широко не афишировалось. По известным причинам. Причём верующих было множество, если судить хотя бы по наличию во всех крестьянских избах «святого угла», или по тому факту, как быстро раскупались привозимые в село какими-то церковными, а может просто предприимчивыми людьми, предметы церковной утвари (иконы, лампадки и др.) для оснащения тех самых уголков, на которые всегда устремляется взор молящегося. Были и те, кто отваживался ходить очень далеко на богомолье, причём, даже в Киев. Именно такой народ и был сутью сельского общества и основой российской государственности.

Только повзрослев, набравшись жизненного опыта, много чего повидав в этой жизни, Матвей Трофимович убедился в том, что жизнь многогранна, сложна, не предсказуема и противоречива, часто не вписывается в рамки, декларируемые законами, которые под страхом наказания за их неисполнение обязаны соблюдать все, но которые какой-то частью общества игнорируются, а к ним за нарушения установленного законами порядка никаких наказаний не применяется. Тогда и начинают терзать сомнения в наличии вообще справедливости под этим солнцем.

Несомненно, у каждого появившегося на этом свете своя жизненная дорога, длинная или короткая, которая в принципе не может быть исключительно ровной, на которой могут встретиться всякие препятствия, выбоины и ухабы. Но вот почему-то одним удаётся прожить свою жизнь так, как будто «прокатиться с ветерком» и удобствами в каком-нибудь престиж-

ном лимузине, а все колдобины оказываются на пути других, получающих от неровной дороги ощутимый вред здоровью. А может быть, всё-таки, для кого-то есть и польза от такой встряски? Правомочен такой вопрос? А почему бы и нет?!

Целеустремлённый человек и эти неудобства может обратить в пользу, тренируя себя преодолевать встречающиеся препятствия. На эти действия просто надо себя настроить. Будешь хныкать, пересчитывать ушибы, просто сойдёшь с дистанции. И навряд ли дождёшься того комфортного лимузина. Матвей помнит тех, кто упорно карабкался по этому бездорожью и уехал очень далеко, и, конечно, забыл уже тех, кто остался охат в очередной жизненной колдобине.

Но, тем не менее, этот вечный вопрос «почему?» всегда остаётся. Часто с весьма обидным наполнением, вкус которого Матвей знает очень хорошо. Почему возможна такая вопиющая несправедливость в процессе перемещения одних и других по их жизненному пути? Один катается всю жизнь «как сыр в масле», а другой, —тащится как по тёрке обнажённым задним местом. Есть ли объяснение причин такого вопиющего неравенства людей на земле? Думается, что есть! Иначе не было бы в мире многочисленных попыток избавиться от этой несправедливости. Но сколько таких попыток стали успешными? Очень мало. Почему?

Человеческий портрет и его «художники»

Это лишь небольшая часть из огромного перечня вопросов, естественно и неизбежно возникающих в сознании у всех молодых растущих организмов, не лишённых природой любознательности, стремления к познанию сути и возможных оценок происходящего вокруг них. Конечно, часто эти оценки примитивны, эмоциональны. По многим причинам, в том числе из-за отсутствия достаточной информации и неумения мыслить логически, что мать Матвея объясняла тем, что «ещё ума-то нет». Но, тем не менее, эти и многие другие подобные им вопросы сформировались, некоторые приобрели особую остроту в сознании у Матвея уже в год окончания средней школы. Однако, вразумительные и, надо полагать, достаточно аргументированные ответы на них были получены уже в зрелом возрасте.

Ведь речь идёт о человеческом обществе, о людях его образующих, которые множеством своих черт характера и совершаемыми действиями (поступками) «рисуют» интегральный портрет этого общества, являясь всего-навсего лишь мельчайшими элементами его. Причём этот портрет на самом деле является двухслойным. Потому что каждый человек существует в двух ипостасях: телесной и духовной. И какой же слой выделяется на поверхности этого портрета? Или на обозреваемой поверхности проступают фрагменты той и другой ипостаси?

Телесная ипостась наделена Творцом инстинктами, главное назначение которых обеспечить выживание каждой особи и воспроизводство себе подобных для продолжения рода и сохранения, таким образом, непрерывности жизни на земле. Для выживания тела (организма) первостепенное значение имеет обеспечение его энергией, т. е. пищей, за получение которой начиная от сотворения мира всегда шла борьба «не на жизнь, а на смерть». Эта борьба и есть та движущая сила, которая позволяет выжить, подчеркнём это особо, сильнейшим, или... более удачливым. Так что в борьбе за «хлеб насущный» никогда не было равенства и справедливости. Кто кого! Выживет тот, кто обеспечит себя и своё потомство пищей.

Духовная ипостась человека, а вообще говоря, его разумное начало, придают борьбе за выживание уже не инстинктивный, а осмысленный характер. Из арсенала смыслов в борьбе за «место под солнцем» на первое место выступает некая логика в выстраивании вообще поведения личности, использующая, как принято сейчас говорить, общечеловеческие ценности, в том числе этические и нравственные нормы и правила поведения. Но вся эта «этика и эстетика», все эти высоконравственные проявления (уважение интересов других, взаимопомощь, справедливость, честность и др.) меркнут на фоне часто тщательно скрываемой алчности, зави-

сти и тщеславия, которые фактически и определяют весь процесс борьбы за выживание каждого конкретного индивида.

Алчность, зависть и находящееся с ними в тесном родстве тщеславие являются не только порождением природных инстинктов, но и продуктом разумного начала, причём еще не известно, откуда взято больше. Эти характеристики у какой-то части человеческого общества (по-видимому, значительной) являются превалирующими над всеми нравственными и этическими нормами и правилами поведения. И именно они выступают как движущая сила человеческих поступков и поведения в целом.

Вопрос об объёме получаемых от жизни дивидендов, а если по-другому, то о качестве жизни конкретных человеческих индивидуумов, с одной стороны, вполне правомочен, а с другой, – не совсем тактичен, так как в него заложен фактически ещё один вопрос о справедливости распределения тех самых дивидендов, что в какой-то степени отдаёт даже кощунством. Потому что жизнь это дар Божий, а Господь Бог даже «леса не уравнил», а уж людей и подавно, разделив их и по половым признакам, и по физическим данным, и по умственным способностям и по их пристрастиям и склонностям к тем или иным видам деятельности. У каждого живущего на земле своя жизненная дорога, указанная ему либо Господом, либо выбранная им самим. От передвижения по ней он получает либо удовольствие, либо разочарование из-за испытываемых неудобств от несовершенства используемого транспорта или плохого качества дороги. Либо от того и другого вместе, в каких-то пропорциях, конечно.

Эти пропорции будут определять многое, в том числе и главное: стоит ли продолжать движение на располагаемом транспортном средстве в намеченном направлении. Для тех, кто передвигается со всеми доступными в этом обществе удобствами (и средство передвижения хорошо, и дорога без ям и колдобин), альтернатива выбора практически отсутствует. Конечно же, ехать! Ведь приятно на этом пути всё-таки неизмеримо больше, чем встречающихся каких-то мелких, легко «объезжаемых» неудобств. Укрепляется ли при такой неге здоровье этих «передвиженцев», продлевается ли их жизнь, что они оставляют после себя? Вопрос, конечно, интересный и важный, но кто на него может доказательно ответить? Может быть тот, кто в таких перинах барствовал, Но, к сожалению, достоверной официальной статистики о долголетию этих, условно говоря, сливок общества, найти не удалось.

Но здесь не идёт речь об элите и сливках общества, а о людях «крестьянского» происхождения, которые большую часть своей жизни передвигались по представляемым нашим государством жизненным путям-дорогам. А дороги те были ох как не гладкими и не прямыми, а изобиловали множеством всевозможных препон, которые нужно было обязательно преодолевать, причём часто испытывая физические и душевные муки. А как по-другому? Ведь если ты появился на свет, то велением Творца, наделившего тебя соответствующими инстинктами и разумным началом, ты обязан просто выжить, несмотря на твоё «пролетарско-крестьянское происхождение», и оставить после себя здоровое потомство.

Борьба за выживание и воспроизводство себе подобных – это закон природы, который все морально здоровые люди не могут игнорировать, а благодаря заложенным в каждого человека инстинктам процесс обеспечения выживания идёт как бы автоматически, реализуя, надо полагать, заложенную Творцом программу. А иначе, зачем стремился из утробы матери появиться на свет!? Для жизни! И не для ничего другого! Для какой жизни? Для той, которой живёт так называемая элита, или для «рабоче-крестьянской»? Это уж как у кого получится, исходя из положения родителей и многих других сопутствующих обстоятельств, и даже, как говорят, от «попадания в струю».

Каждый человек находится постоянно в окружении других и по-другому не бывает, а потому любая, даже «элитная» личность, в той или иной степени зависит от настроения в обществе, от его лояльности и благорасположения или тихой, скрываемой, а то и открытой ненависти. Что уж говорить о выходцах из «рабоче-крестьянской среды», положение которых

всецело зависит не столько от общества как такового, а сколько от благорасположения к нему административных работников всех степеней, но особенно мелких, низовых, гонор которых часто просто «зашкаливает». Удивительного здесь ничего нет. Сказывается природа человека с его инстинктивным стремлением властвовать над себе подобными.

Воспитателей много: семья, школа, общество,... Кто главный?

По достижении определённого возраста ребёнка, как правило, отправляют в школу. Такой порядок заведен давным-давно и он вроде бы всех устраивает. Одни родители облегчённо вздыхают: «слава Богу, теперь ребёнок будет под присмотром в школе, его будут там учить», а потому с облегчением уже ощущают себя свободными от части обязанностей по воспитанию. Другие же родители, зная положение в школе и характер своего дитяти, будут непременно волноваться за его безболезненное вхождение в школьный коллектив и получение необходимых знаний. В школе начинается двухстороннее воспитание и обучение: со стороны педагогов и со стороны одноклассников. Чему там эти две силы научат? Кто окажет большее влияние на ребёнка? Конечно, всем бы хотелось, чтобы ведущей образовательной и воспитательной силой была школа в лице её педагогов и руководителей. В большинстве случаев так оно и есть.

Но нельзя забывать и того, что школа это продукт общества, порождённый его потребностью в образовании (обучении) населения страны, требующей иметь учреждения, выполняющие определённые специфические функции, присущие только школе и выделяющие её из всех организаций, обслуживающих общество. Но школа всё-таки и часть современного общества, и отделять её от повседневной круговерти забот и волнений в нём, по-видимому, не стоит. А потому и функции по воспитанию молодого поколения должны быть разделены между школой и обществом. Утверждать, что главенствующая роль в воспитании молодого поколения принадлежит школе, даже в той нашей советской, которая официально исполняла функции воспитателя, а не так, как сегодняшняя российская школа, оказывающая лишь образовательные услуги, так же не стоит.

Конечно, школу можно укомплектовать самой современной учебно-материальной базой, но это будут всего- навсего неодоушевлённые «железки», сложность и функциональность которых могут вызывать даже уважение к их создателям и, может быть, составить представление об уровне развития промышленности в стране, производящей такие устройства и приборы. Но подготовка всесторонне развитого гражданина страны требует и загрузку его сознания многим тем, что необходимо для полноценной жизни в человеческом обществе, том самом обществе, которое не только построило эту школу, но и задало программу обучения и, хорошо бы было, если бы ещё и программу воспитания. (Здесь речь идёт о государственных, но не частных школах). Конечно, «ничто не вечно под луной». Железо обязательно будет ржаветь, несмотря на всякие защищающие его покрытия, а направленность воспитания, и вообще духовная составляющая в жизни каждого человека может наполниться многими весьма необычными и даже дурно пахнущими «ароматами», от которых как-то нужно отгораживаться (защищаться). А иначе амбре, приобретаемое в школе, будет неизбежно заражать и общество.

Правда жизни тогда была такова, что даже такие пытливые и любознательные ребята как Матвей и какая-то часть его одноклассников, совершенно не задумывались о том, кто главный в их образовании, воспитании и вообще взрослении как граждан страны. Дома перед собой они видели согбенных от постоянных и тяжёлых крестьянских работ своих родителей, часто одну лишь мать, потому что отцов у многих забрала война, которые за всю свою крестьянскую жизнь закончили два- три класса ликбеза, и после той учёбы книжки даже в руках не держали. Что они в образовательном плане могли дать ребятишкам? Очень мало. Поэтому ответ у всех ребят был совершенно безальтернативный. Конечно же, школа. Потому и пришли сюда. Куда же ещё.

Ведь ещё с пелёнок каждому внушали, что именно в школе его сделают грамотным. Другого образования получить было негде. А отношение у учеников к сельской общине (в смысле её влияния на образование и вообще на воспитание молодёжи) было таковым, как будто такого общества и вообще не существует, хотя оно, конечно же, подспудно чувствовалось. Скорее всего, оно просто ассоциировалось с семьёй, с колхозом, с сельсоветом.

Поэтому школа на селе занимала особое положение. Хотя как дома, так и в школе большинство учеников ходило в лаптях и фуфайках (телогрейках). Как дома, так и в школе для освещения использовались керосиновые лампы. Как дома, так и в школе источником тепла была кирпичная печь. И то, когда были дрова. Как в селе, так и в школе никаких клубов не было и, естественно, никакой просветительской работы с этой стороны не было. Даже чтобы посмотреть кинофильм (после войны не чаще двух-трёх раз за летний сезон стали привозить из райцентра кинопередвижки), укрепляли экран на стене недавно построенного колхозного склада, или вообще на двух слегах посреди луга. Хотя и дома пища была довольно скудной (как правило, только картошка, а до 1950 г. вообще без настоящего хлеба), но о питании в школе речи вообще не шло. Откуда было всё взять. О пригодных для передвижения в любое время года дорогах по огромному селу и до райцентра даже и не мечтали. А если ещё вспомнить, что в деревенских избах о телевизорах вообще не слышали (их то и в городах ещё не было), о радио хотя и знали, но его не только не слышали, но и не видели. Театры и дома культуры вообще были за гранью понимания их нужности для сельского жителя. Это были городские блага, а до города были десятки километров по бездорожью. Так чем могло воспитать такое примитивное сельское общество?

Но отрицать воспитательную роль даже такого тёмного (в прямом и переносном смысле) села, в котором и прошли детские и юношеские годы Матвея, будет совершенно ошибочно. Ибо лапти и фуфайки, прочно вошедшие в послевоенный быт огромных масс людей, переживших фашистскую оккупацию 1941—43 г.г., воспринимались населением всё-таки как временные, порождённые огромными лишениями в ходе прошедшей разрушительной войны. Ведь до войны о лаптях стали уже забывать, а фуфайки (телогрейки) есть чисто военное порождение, к стати, очень удобное. Но всему свой срок службы! Так и этим, хотя и примитивным, но всё-таки достаточно функциональным элементам обуви и одежды предстояло уйти в небытие по мере ликвидации последствий войны. Но несмотря ни на что, на послевоенную разруху и повальную нищету населения всегда оставалось в сельском обществе (быту) главное: вековой уклад жизни сельского населения.

Казалось бы, какое значение может иметь уклад жизни в сельской общине дотла сожжённого села? Имеет! Да ещё какое! Во-первых, незыблемость семьи и семейных отношений, как гарантов безусловной заботы о воспитании детей и безусловной же заботы детей о постаревших родителях. Это краеугольный камень нормального человеческого бытия даже и в этом утонувшем в грязи огромном лапотном селе. Во-вторых, хотя всеобщая нищета и обострила некоторые природные инстинкты в борьбе за выживание, но основой выживания выступало традиционное для российской государственности коллективистское начало, понимание того, что в условиях России можно выжить только при взаимной поддержке друг друга, при готовности каждого встать на защиту своей родины. Взаимопомощь и присущее русскому народу сострадание неизбежно воспитывали и поощряли заботу об увечных, о пожилых, о бедных, но не о лентяях, которых в селе всегда не любили. Здесь же нельзя и приуменьшать роль религиозности населения этого большого села, хотя сельская церковь в 1943 г. немцами была превращена в огромную груды битого кирпича.

Особое положение школы на селе подчёркивалось не только полным доверием к ней со стороны родителей, глубоко убеждённых в том, что уж школа ничего плохого их детям не сделает, но и всегда уважительным отношением к ней со стороны сельской власти, старавшейся помогать школе своими скудными ресурсами. Не оставалась школа в стороне и «во дни

торжеств и бед народных». Когда в начале марта 1953 г. в газетах появились бюллетени о состоянии здоровья И. В. Сталина, ученики старших классов очень бурно обсуждали все события, так или иначе имеющие отношение к вождю. А в день смерти Сталина (05.03.1953 г.) Матвею поручили выступить на митинге сначала в школе, а затем и в недавно построенном сельском клубе.

Если на уроке в школе и то волнуешься, особенно когда недостаточно проработал задание, то как можно не волноваться на митинге. Все ведь жаждут услышать из уст оратора «святое слово». А что мог сказать ученик 9-го класса сельской школы? Только то, что товарищ Сталин самый величайший полководец, под руководством которого Красная Армия наголову разгромила немецких фашистов и японских милитаристов. Что под мудрым руководством вождя и учителя товарища Сталина советский народ успешно восстанавливает разрушенное войной народное хозяйство и приближает торжество социализма в нашей стране и во всём мире, что товарищ Сталин самый человечный человек, неустанно заботящийся о счастливом детстве ребятшек всего Советского Союза. После этих слов оратору оставалось только заявить о верности учеников школы заветам вождя и призвать участников митинга неуклонно следовать курсом, указанным великим вождём и быть постоянно готовыми защищать честь и независимость нашей великой Родины, Советского Союза.

Откуда было тогда знать Матвею и его одноклассникам о скором и позорном забвении действительно великого вождя и патриота великого государства, созданного, несомненно, и его неустанными трудами, упорством и настойчивостью. Откуда тогда было знать большинству населения страны о том, что и «там, наверху» шла непрерывная борьба за власть даже среди ближайших соратников вождя, причём не всегда честная и не всегда в интересах государства. Откуда тогда было знать поколению Матвея, что какой-то Никита Хрущёв, входивший, как вскоре выяснилось, в ближайшее окружение И. В. Сталина, так подло предаст его, густо обгадив и обвинив в преступлениях, в которых сам был и инициатором и исполнителем. Кто только что славословил Сталина на каждом шагу как «величайшего вождя, учителя и мудрого руководителя», иницируя и насаждая тем самым в стране тот самый пресловутый культ личности. («Короля делает свита»). Чего не сделает человек ради спасения своей подлой душонки, когда до него начинается «доходить» осознание того, что в этой жизни за всё совершённое надо платить, а счёт будет неизбежно рано или поздно предъявлен.

Об источниках информации

Много ли знали о внутренней жизни страны и, тем более, о том, что делается «там, наверху», ученики старших классов сельской школы, да и многие люди старших поколений? Откуда они могли получить информацию? Из двух источников, первым из которых является официальная печать, так как даже радио тогда в селе не было. В первую очередь это центральные газеты, а затем уже областные, районные, ведомственные (отраслевые). А что могли публиковать газеты «Правда» и «Известия Советов...» тех лет? Правильно! Только то, что разрешено кем-то «там, наверху». Тематика и качество материалов, публикуемых в «нижестоящих» газетах позволяли составить лишь только одно, непротиворечивое впечатление о происходящих в пределах области или района событиях. Конечно, многие активные читатели могли извлекать уже информацию и между строк, поэтому и пользовались уважением среди сельчан. Но вот беда: тех, кто мог иметь газету, было мало. Ведь газеты стоили денег. А где их взять, тем более на газеты. Нонсенс! Никто не поймёт, потому что самое необходимое купить было не за что. А газета? Да кому она нужна. Если что-то где-то и произойдёт, то всё равно кто-то расскажет. Не сегодня, так завтра. А если и не расскажут, то от этого ничего не изменится. Так и жили.

Другим источником информации были «слухи», которые не всегда были ложными, и которые «кормили» многих людей, как взрослых, так и молодёжь. Но слухи официальными

властями, конечно же, не приветствовались, а часто (до некоторых пор) жёстко пресекались. Конечно, молодёжь с интересом смотрела на вернувшихся из мест заключения, но бывшие арестанты (в селе их было очень мало) как-то неохотно, очень неохотно, рассказывали о себе.

Матвей что-то не припомнит, чтобы слухи о каком-то значимом событии доходили до населения быстрее, чем о нём узнавали из газет. То, что Берия, «агент всех империалистических разведок», намеревался учинить расправу над соратниками товарища Сталина, узнали из газет. Точно так же как и об антипартийной группе членов Политбюро (кто бы мог подумать!?), и примкнувших к ним, которые покусились на самое святое: изменить внутреннюю политику Советского государства. Разве можно было из тех же газет узнать доверчивому сельскому люду, что и арест (на самом деле убийство в момент ареста) Наркома Внутренних Дел Л. П. Берия и якобы помещение его для допросов под стражу (аж до декабря 1953 г.), устранение с политической арены соратников Сталина, оставшихся верными ему и после кончины вождя, предприняты Хрущёвым в корыстных интересах: упрочение своей личной власти и даже, может быть, сохранение своей жизни, но никак не в интересах так им «горячо любимого Советского государства».

Вот в таких условиях материальной и информационной нищеты сельского бытия, лжи и обмана «там, наверху», о чём навряд ли простые люди даже догадывались, потому что при живом Сталине все были приучены к тому, что народ о всех событиях в стране информируется полно и честно, без обмана, и росло поколение Матвея. По прошествии многих и многих лет уже теперь Матвей Трофимович пришёл к убеждению, что обман верхами низов существовал во все века и у всех народов, и без него в практической деятельности вроде бы даже и не обойтись. Но уровень и «объём» обмана резко возрастают при смене, тем более, в неординарных условиях, сильной личности во главе государства на более слабую, затрудняющуюся в принятии решений, особенно по сложным вопросам. Такие личности склонны принимать скоропалительные и потому не всегда всесторонне продуманные решения, импровизировать, приспособляться, лавировать, выдавать желаемое за действительное.

Именно такие руководители, начиная с Хрущёва, и оказывались во главе Советского государства. Обман, ложь, недомыслие и самоуправство становились обыденностью. За сказанным публично словом часто не следовало никакого дела. На трибунах все ораторы были «истинными ленинцами», глубоко уверенными в «правоте нашего курса». Твёрдо стоящими на страже социалистической законности и сохранности социалистической собственности, не терпящими злоупотреблений спиртными напитками и т. п. Но пока на трибуне гремели громы и сверкали молнии, где-нибудь на хозяйственном дворе в это же время, тихо и без суеты, в багажник машины оратора-руководителя загружали ту самую социалистическую собственность, естественно уворованную. Речь, конечно, идёт об «верных ленинцах» областного и районного масштабов и работниках центральных органов. Членам ЦК, тем более, членам Политбюро и им равным, без всякого шума всё доставлялось из спецраспределителей. Так что ленинцы ленинцами, а мораль и нравственность были далеко от них, часто очень далеко.

Может это и хорошо, что серая крестьянская масса, включая сюда и их детей-учеников, не знала, что на самом деле делалось «там, наверху». «Меньше знаешь, крепче спишь!» Хотя тяжёлый труд на земле и на фермах так пригибал работающих, что никакой информации о государственных делах и не хотелось даже слушать. Скорее бы голову на подушку, потому что их утром ожидали те же самые заботы, тот же самый тяжёлый крестьянский труд.

Большее впечатление производили, конечно, дела более понятные. Например, сообщение о предстоящей амнистии после смерти Сталина. Потому что среди сельчан были те, которые надеялись вскоре увидеть свих родных и близких, осуждённых за какие-то противозаконные действия. Правда, Матвей хорошо помнит, что в их селе сам факт амнистии прошёл совсем незаметно, так как вернувшихся из мест заключения было очень мало, в отличие от областного центра, в котором резко возросло число серьёзных криминальных преступлений, совершаемых

бывшими зеками. То, что в 1953 г. резко ухудшилась общественная безопасность в областном центре, ощущалось во всех местах с массовым скоплением людей: в магазинах, на рынках, и даже на улицах.

Матвей это отмечал по своим собственным ощущениям, когда вместе со своими сельчанами торговал картошкой на рынках, и после распродажи, когда шли в магазин купить хлеба или тех же макарон, постоянно дрожа за сохранность своих с огромным трудом заработанных мизерных «капиталов». Тревожности добавляли и рассказы проживающих в городе родственников и знакомых, бывших односельчан. По доходившим слухам, власти были вынуждены ужесточить реагирование на все правонарушения, вплоть до публичного расстрела мародёров, грабителей и обвинённых в убийствах. Правда, публичных расстрелов ни Матвей, ни его родственники и знакомые лично не видели. Скорее всего, это были сплетни. Но, тем не менее, уже в 1954 г. обстановка в городе стала намного спокойней.

Всё сказанное выше есть лишь небольшая толика тех воспитательных воздействий, которое оказывает общество на всех его обитателей, и пожилых, и молодых, в том числе и на учащихся всех учебных заведений. Любое внешнее воздействие на человека оставляет в его сознании информационный след, глубина которого зависит не только от силы воздействия, но и от того, насколько «запоминающий орган» открыт для приёма на хранение предлагаемой информации, насколько он восприимчив к ней. Регулятором доступа в сознание той или иной информации, своеобразным вентилем что ли, часто выступают элементарные сомнения в пригодности её (информации) в последующей жизни, а потому и в необходимости иметь в памяти всё, что слышится, видится, осязается и т. д. Конечно, что-то и не пригодится.

Но никому не дано заранее знать «как слово наше отзовётся», ибо в жизни бывают и такие ситуации, когда именно это казавшееся ненужным «слово» будет решающим при принятии важного решения. Говорят ещё и по-другому: «если бы знал, где упасть, то и соломки бы подстелил». Поэтому бесспорно, что полученные знания никогда не бывают лишними и если даже они негодились в конкретной профессии, но они, несомненно, обогатили и расширили кругозор человека, облегчая поиск и принятие решений совершенно в других областях знания и производства. Конечно, в разной степени полезности.

Но, несомненно, и то, что основной объём знаний человек получает не из случайных источников, а всё-таки в результате целенаправленной и систематической работы по добычанию знаний. И в этом просвещении первоочередная роль принадлежит, конечно же, средней школе, а в последующем и учебным заведениям «высшего порядка»: колледж, университет, академия и пр. Но особенно велика всё-таки роль именно средней школы, закладывающей в ученике начальные навыки работы с учебным материалом (книга и пр.) и определённую систему труда по добычанию знаний.

Именно школа «открывает глаза» ученику на огромность информационного пространства, в котором живёт человек, и тот минимум из этого объёма, который и должен освоить каждый ученик, хотя бы для того, чтобы выбрать более уверенно для себя будущую профессию. Конкретизация же профессиональной подготовки будет осуществляться в высшем учебном заведении, которое по бытующему повсеместно мудрому наблюдению не учит, но лишь помогает учиться. Не стремится сам студент к приобретению знаний, никакая академия его не выучит. Хотя диплом можно и купить. Но не знания! Это аксиома.

Глава третья. Время, школа и ...надежды

Школа вселяет надежды, а усердие всё преодолагает

Всё, что совершается на земле, происходит в пространстве и времени, как в основных формах существования материи. Так утверждает наука. Но так как простому человеку «по-научному не понять», то он упрощает всё до примитивизма: заинтересовавшее событие произошло тогда-то и там-то, обозначающие дату, время и место (адрес). И сразу всё становится на свои места. Даже без знания материалистической теории.

Так мыслить человек привык с детства, эту терминологию он усвоил от родителей, взрослел уже со сформированным внутренним убеждением в том, что всё, что происходит на земле, в том числе вокруг чего «крутятся» и его мысли, так или иначе, но, безусловно, связаны со временем и пространством. Как правило, ограниченным в детстве родным домом, улицей, селом, городом, а во взрослом — уже и земными просторами. Хотя, конечно, никому не возбраняется в своих мыслях углубиться в галактическое пространство и, находясь мысленно там, пытаться в свете мерцающих отдельных звёзд и целых созвездий или даже галактик, увидеть там что-то «такое-этакое», которое с земли уж никак не просматривается.

А что там можно узреть? Конец этого пространства, ограниченного каким-нибудь забором затейливой формы? Но человек ещё на земле убедился, что за забором вокруг твоего дачного участка начинается участок соседа, а там дальше опять забор, а за ним опять забор и далее то же самое. Сколько бы не было поставлено заборов, за последним из них всё равно будет какое-то пространство. Поняв эту реальность, даже слишком настойчивый в стремлении измерить космические просторы человек, лишь глубоко вздохнёт от необъятности и бесконечности вселенной и бесполезности искать там то самое «такое-этакое».

Даже не столько расстроившись от невозможности оказаться среди звёзд, а сколько от понимания земной реальности, человек смиренно вернётся на свою дачу, и только увидев здесь вокруг себя заборы, ощутит, что вся его жизнь ассоциируется, почему-то, с преодоленными на его жизненном пути заборами и заборчиками. И это ощущение неожиданно заставит задуматься и о том, что рано или поздно, но обязательно, встретится и такой «забор», который никому из родившихся на земле преодолеть не суждено.

Эта «заборная» тема как-то уж даже царапнула, мягко напомнив о реалиях жизни, которые таковы, что преодолевая то или иное препятствие (проживая очередной этап своей жизни) каждый человек испытывает и «спортивный азарт», — как же, перескочил, и получает определённое удовлетворение от успешности преодоления очередного препятствия, а иногда и чувство досады.

К сожалению, иногда не удаётся избежать ссадин и ушибов, пока вроде как бы безобидных, но как потом оказывается — провокаторов серьёзных заболеваний. Не бывает в жизни одного без другого. А итоговый результат в пропорциях, в соотношении потерь и приобретений. Именно соотношение того и другого и окрашивает человеческую жизнь в мрачные или яркие тона. И если в пожилом возрасте всё чаще и чаще гложет душу грусть-тоска, то надо ведь и благодарить судьбу за то, что достичь пожилого возраста позволили как раз те светлые периоды, которые и определили характер и успешность всей жизни.

Это сейчас легко рассуждать о перипетиях земного бытия, о научном и «крестьянском» понимании жизни. Тогда понимание жизни совсем ещё юным сельским парнишкой Матвеем, оставшимся в свои 6 лет без отца, а затем и без крова над головой, да ещё и при очень скудном питании, формировалось и даже насаждалось (другого не было) окружающей объективной реальностью. А эта реальность была, конечно, запоминающейся. Да и как Матвей может забыть

то, что в школу он и весной, как только стает снег, и осенью до сильных морозов и выпадения снега ходит босиком, потому что даже лаптей часто не было. Разве забудется то, что и школа была всего лишь только что даже не построенная, а «слепленная» из подручных материалов крестьянская лачуга, в которую затащили 4—5 грубо сколоченных из неструганых досок столов и такого же качества лавок. А на этих столах вместо тетрадей для письма лежали лишь отдельные листки бумаги, а то и куски газет, на которых писали, а потом до дыр стирали написанное, чтобы опять повторить крючки-палочки, а потом и буквы.

Никогда не уйдёт из памяти то, как на большой перемене многие ребяташки опрометью бежали домой, чтобы проглотить хотя бы картофелину с солью. Больше ничего дома не было. Голодные были, кушать хотелось постоянно. Но на урок старались не опаздывать. Сейчас это может вызвать у кого-то сомнения, но ребята были очень дисциплинированными, хотя на перерывах иногда и те неказистые столы под ребячьим натиском меняли с грохотом своё место, вызывая бурное негодование со стороны хозяев этой «школы», боящихся разрушения их единственного жилья. Ещё Матвей хорошо помнит первую свою школьную зиму 1944 г., когда в крохотном помещении за несколькими уродливыми столами одновременно постигали грамоту ученики сразу 4-х классов. Может быть то, что за один год Матвей «прошёл» сразу четыре класса, и заложило в нём стремление и интерес к познанию, что сказалось и на предстоящей учёбе уже в более оборудованных помещениях. Он всегда страстно хотел учиться, несмотря ни на какие условия.

С окончанием войны начались восстановительные и строительные работы по созданию более сносных условий для занятий. Село то ведь разрасталось, население увеличивалось, и ребяташек надо было всех «пристроить» в школу. Уже к сентябрю 1947 г. советской властью было восстановлено здание бывшей барской усадьбы, что позволило организовать в две смены учебный процесс для всех ребяташек. Хотя учебных помещений в школе было мало, но места пока хватало всем. Положение облегчалось тем, что школа росла вместе с классами. Начав свою историю с 1944 г. к сентябрю 1948 г. школа «доросла» лишь до 5-го класса. Старшие классы подрастали здесь же в школе, и с постройкой в 1951 г. новой школы 10-тилетки появились уже два 8-х класса. Число учеников в новой школе возросло за счёт зачисления в неё ребят из ближайших (до 5—7 км. от школы) деревень и посёлков. Ребятам из этих «ближайших» деревень было несравненно труднее, чем местным, так как им приходилось в любую погоду дважды в день преодолевать пешком по бездорожью эти не такие уж и малые расстояния. И не все могли выдержать такую нагрузку. Поэтому много ребят из тех деревень так и не получили даже среднего образования.

Матвею в смысле географии, конечно, повезло. Все послевоенные импровизированные школы, а затем и двухэтажное здание новой школы десятилетки, находились, как сейчас принято говорить, в шаговой доступности. Малый расход времени на перемещение давал возможность уделить больше внимания на выполнение домашних заданий и, что очень важно, читать дополнительную литературу. Конечно, если мать не нагружала хозяйственными работами. Без этого ведь не обойтись. Кушать хочется каждый день, а чтобы кушать, надо и что-то сделать для добычи пропитания. У нас не тропики и банану неоткуда взяться. А картошка как основной продукт питания растёт в земле, которая без огромных трудов на ней ничего и не даст. Тяжёл крестьянский труд, но именно он и кормит простого труженика, у которого нет других возможностей добыть себе хлеб насущный.

Теперь, вспоминая те годы, Матвей, и сам убедился в том, что время как вуалью укрывает всё прошедшее, свершившееся. Всё то, что было в те годы неразрывно связано с каждым учеником, было его не только смыслом жизни, но даже и самой жизнью, ибо ничего другого более светлого и радостного, чем школа, у сельских ребяташек просто не было. А с годами вуаль становится всё менее и менее прозрачной. И теперь за этим покрывалом не удаётся рассмотреть даже размытые очертания лиц одноклассников, учителей. Более того, теперь уже еле-еле

просматриваются лишь отдельные фрагменты даже тех больших и объёмных событий. Но даже и они становятся всё более тусклыми, ускользающими из поля зрения. А ведь ещё не так уж и давно те события многих волновали, ими жили, они вызывали у людей сильные эмоции, пробуждали хотя и самые обычные, но забытые из-за послевоенных тягот и лишений человеческие желания и устремления, порождали надежды и ожидания. Но если многое и укрывается этой вуалью, что, должно быть, естественно, но ведь что-то и остаётся в сознании и душе человека?

Конечно, учителей в сельской школе (за очень небольшим исключением) трудно было запомнить, так как они горемычные приезжали сюда всего на год-два либо по распределению после института, либо из-за отсутствия вакансий в городе. Мало было и в то время настоящих патриотов, стремящихся по зову своего сердца реализовать на практике высокие мысли, внушённые им в тех же педагогических ВУЗах о воспитании нового человека для построения передового коммунистического общества. Сермяжная правда жизни: лозунги, хотя и красивые, но они всё-таки всего—навсего лозунги, не более чем эфемерная перспектива, а деревенская грязь, отсутствие жилья и элементарных удобств – это объективная реальность, в которой нищета бытия, казалось бы, должна была напрочь подавить даже зачатки высокой духовности. Матвей, будучи от рождения наблюдательным, не мог не видеть, что даже в таких «антисанитарных» условиях абсолютное большинство учителей (педагогами почему-то их не называли) «выкладывалось по полной», дабы за время их работы в школе все ученики усвоили школьный курс обучения. Среди них были и самые настоящие профессионалы, о которых сохранились очень добрые воспоминания.

Матвей в те годы как-то даже не задумывался о причинах «высокой текучести учительских кадров». Впрочем, даже такого термина не знал. А сейчас уже с высоты прожитых лет совершенно не хочется осуждать стремление учителей жить в нормальных культурно-бытовых условиях. Они же ведь люди! Несомненно, был бы Советский Союз в то время более осмотрительным в расходовании огромных средств на поддержку социалистических режимов по всему миру, можно было бы и обеспечить учителей жильём, создать нормальную инфраструктуру при школах, обеспечить жильём ребятишек из дальних населённых пунктов. Жаль, конечно, что много средств уходило за пределы страны в ущерб её населению. Господствующая идеология того требовала. Время было такое.

Но всё течёт и всё меняется. Интернаты всё-таки были построены в конце 70-х, начале 80-х годов, но просуществовали они не долго. Обстановка в стране с приходом к власти Горбачёва, особенно разбойного режима Ельцина, стала быстро деградировать, сельское население из-за отсутствия работы (колхозы и совхозы были разрушены) резко сокращалось, школы (о ужас!) стали закрываться и разрушаться. Удручающее впечатление ныне производят жалкие остатки бывшего во времена детства и юности Матвея огромного села, в котором теперь и вообще нет ни школы, ни клуба, полноценного медицинского обслуживания и пр. Конечно, остановить назревшие преобразования в селе и сокращение в связи с этим численности населения навряд ли теперь разумно. Но не такими же разбойными методами как сейчас.

Однако вернёмся к означенной выше теме о приобретениях за время пребывания в школе. То, что память с возрастом у большинства людей угасает, есть факт достоверный и в большой степени медицинский. Но ведь если даже в пожилом возрасте человек действует вполне разумно, то не есть ли это свидетельство того, что его разумное начало содержит, по видимому, достаточный объём знаний, умений и навыков, позволяющих ему и на склоне лет вести себя по-человечески. Такой статус человек получает не столько по факту своего рождения, сколько благодаря воспитанию в обществе, не последнюю роль в котором играет школа.

Школа даёт знания и пробуждает чувства

Среди выпускников средней школы всё-таки маловероятно найти такого, который не знал бы правил арифметики и не умел бы читать и писать. Это был бы нонсенс, как сегодня говорят. Но вот что касается всяких географий, историй, астрономий и множества других дисциплин, изучаемых в школе, причём систематически изменяемых, добавляемых, корректируемых, то однозначного ответа как в первом случае, по-видимому, дать не получится. Матвей ещё с пятого класса (в те годы после 4-го класса ученики сдавали переводные экзамены) убедился в том, что у многих его одноклассников знания по конкретному предмету испарялись практически сразу же после экзамена по нему. И объяснение этому вполне естественное. Зачем таким ученикам знать то, как в древнем Риме патриции угнетали плебеев? Ведь многие из них совершенно не планировали продолжение своего образования после окончания школы. Их мечтой было лишь получение аттестата зрелости. Не более того.

Матвея тянуло всегда к тем ребятам, которые планировали дальнейшее образование, и с которыми просто интересно было общаться. Но даже и среди этой, прямо скажем, очень малой части учеников, не всё так было оптимистично. И только с годами Матвей понял, что даже при самом настойчивом стремлении запомнить изучаемый в школе материал и когда эта настойчивость действительно вознаграждается ощущением реального знания предмета, с годами наступает момент, когда в голове от тех знаний мало чего остаётся. Если на уроках химии Матвея очень хвалила преподавательница этого предмета за ту лёгкость, с которой он писал на доске формулы реакций для получения тех или иных веществ, то теперь в памяти остались только радикалы и основания, и то не более как термины, которые он не знает куда приложить. В отличии, например, от катализаторов, смысл и назначение которых совершенно ясны и теперь. Объяснение простое: «химией» Матвей больше не занимался, а последний термин весьма употребителен во многих областях производства и даже политики. Вывод: даже прочно усвоенный предмет обучения без систематического обращения к нему (повторения) покрывается той самой упомянутой выше вуалью, уплотняющейся с годами. И только редчайшие личности сохраняют и до преклонного возраста в своей памяти многое из того, чему научили их образовательные и житейские «университеты», ставшее теперь базой, обеспечивавшей, как принято говорить, ясный ум и способность логического мышления. Но это дар Божий и он даётся не всякому.

Но вот что важно подчеркнуть. Процессы накопления знаний и их забывания идут фактически одновременно, параллельно друг другу, но, естественно, разнонаправленно. И объём того, что останется в голове, всецело зависит от соотношения интенсивностей этих двух неразрывно связанных процессов. Но вместе с тем совершенно исключается (не возможен!) вариант забыть больше того, что получено в ходе обучения. (Конечно, патология здесь не рассматривается). А с другой стороны, «там, где ничего не положено, взять нечего». Но если положено много, а отдачи никакой, то это, скорее всего, патология, вызывающая лишь глубокое сочувствие к личности владельца такого капитала. Матвей за свою жизнь встречал и тех и других. Но речь сейчас о другом.

Если процесс забывания идёт непрерывно и он совершенно естественен и неизбежен, то, может быть, у кого-то (в определённом возрасте, конечно!) возникнет вопрос о необходимости (нужности) вообще учиться. Ведь всё равно многое забудется. Тем более, что обучение требует расхода сил и средств и нет ничего неожиданного в том, что в обществе всё-таки наличествует какая-то часть молодых людей, не желающих рано вставать, идти в школу, внимательно слушать учителя, читать учебники и постигать прочитанное и услышанное. А ещё ведь надо обязательно исполнять правила поведения в школе, делать уроки, отвечать у доски и выполнять многие другие обязанности, ограничивающие их «права и свободы», о которых

они, вне всякого сомнения, весьма наслышаны. С одним таким нигилистом, не желающим учиться («учиться не хочу и не буду, мне это не нужно!»), Матвей Трофимович познакомился совсем недавно, причём, среди родственников. К сожалению! Такие уникалы были во все времена и у всех народов и во многих семьях. Но не такие «вундеркинды» определяют поведение основной массы ребятишек, стремящихся учиться, с детства подготовленных затрачивать и ценить труд для своего же собственного образования.

Итак, реальность такова, что дети, начав учёбу в школе, и понятия пока не имеют, что многое из того, что они будут изучать, обязательно и даже скоро забудется. Это понимание придёт значительно позже и у каждого в своё время. В это же время придёт и понимание того, что забывается не всё, но никто из них даже не попытается оценить объём сохраняемых знаний. Да и возможна ли вообще в этом случае достоверная оценка? Навряд ли! И играет ли отсутствие такой оценки вообще какую-либо роль в поведении человека? Возможно, и играет. Но самое главное, по-видимому, это то, что в процессе накопления знаний происходит определённая корректировка внутренних алгоритмов поведения человека, осуществляющих хранение полученных знаний в некоторой интегральной форме и их последующее использование. Именно этот процесс (запоминание, корректировка поведенческих алгоритмов, забывание) и обеспечивает формирование сугубо персональной для каждого человека внутренней единой (сохранённые знания и подкорректированные алгоритмы) информационно-алгоритмической платформы, практически ответственной за поведение человека в конкретной ситуации.

Несомненно, на поведение человека оказывают не меньшее влияние его врождённые качества, прежде всего, соотношение в нём разумного начала и природных инстинктов, и, конечно же, воздействие внешних условий, которые иногда могут быть даже превалирующими, вынуждающими многих, в том числе и носителей нимбов непорочности, «плясать под дуду» этих условий. К сожалению, в человеческом обществе не так уж и много истинных святых, ярких примеров для подражания, готовых стойко и до конца отстаивать свою позицию и даже ради этого «положить живот свой». Человеческое общество сложно, противоречиво, и потому не так уж и редко меняющее своё отношение к людям, понуждая их мерами насилия (идеологического, экономического, культурного, даже физического и др.) менять своё поведение. Такова она жизнь!

Приведенные выше размышления не есть, конечно, пересказ впечатлений сельского паренька, накопленных им за время обучения в сельской школе. К тому же это не только размышления, но больше уже убеждения очень пожилого человека, внимательно наблюдавшего за метаморфозами в российском образовании, ставших особенно заметными, прямо-таки кричащими, с приходом к власти горбачёвско-ельцинских прозападных угодников. Которые больше всего стремились разрушить, и меньше всего совершенствовать ещё недавно считавшуюся передовой во всём «цивилизованном» мире советскую систему образования. Эти убеждения есть в определённой степени и продукт самоанализа качества собственного образования, полученного в средней и высшей школе, и как результат попытки понять влияние естественных физиологических и психологических факторов на сохранение когда-то полученных знаний, так или иначе обеспечивающих умственную работоспособность в пожилом возрасте. Из-за отсутствия достоверной статистики по этому вопросу приведенные рассуждения в значительной своей части есть сугубо личное мнение. Не более того!

Только с годами приходит понимание того, что дети во время учёбы могут быть и очень перегружены. Потому что даже при их естественной озабоченности необходимостью выполнять школьные задания, они интуитивно заняты значительную часть времени вопросами собственного выживания: вовремя и вкусно покушать, поспать, поиграться, укрыться от холода зимой и от жары летом, иметь сносные бытовые условия, хорошую обувь и одежду. Конечно, имея любящих и материально обеспеченных родителей, указанные проблемы особенно и не дают повода отвлекаться от учёбы. Всё-таки школа своим строгим распорядком

оставляет мало времени на всякие раздумья, в голове только уроки и именно они и занимают практически основную часть дня. Тем более, что всякая мысль зарождается не на пустом (голом) месте. Выходы появляются там, где посеяно.

Тогда и только тогда человек начинает задавать вопросы, когда полученных знаний либо оказывается недостаточно для понимания им сути изучаемого явления (урока), либо полученные знания стимулировали желание углубить первоначальное понимание на основе возникших сомнений. Правда, сомнения появляются лишь у думающих людей. Если же мозги, грубо говоря, находятся в постоянной дрёме, а то и в спячке, или заняты совершенно другими процессами, не имеющими никакого отношения к учёбе, то и прозреть ту самую суть изучаемого процесса навряд ли получится. Многие ученики предпочитают просто запомнить то, что рассказал учитель, или что прочитал в рекомендованной книге. Старательных и к тому же ещё и любознательных учеников не так уж и много.

«Мы все в эти годы любили. Но, значит, любили и нас»

Так было и в сельской школе, в которой набирался знаний Матвей. Конечно, никакого официального деления учеников по степени их любознательности и быть не могло. Да нигде такого и не было. Ученики оценивались по степени успеваемости, характеризуемой получаемыми оценками при опросах, при выполнении контрольных заданий, по результатам сдачи экзаменов. Степень успеваемости никак не влияла на размещение учеников за столами или появившимися потом партами. Места занимались инициативно, какое понравилось вначале, мальчишки чаще были проворнее девчонок и старались занять для себя «камчатку». А менее смелые и активные занимали уже оставшиеся места и иногда оказывались за одной партой мальчик и девочка, что нравилось далеко не всем. Такая «рассадка» сохранялась практически весь учебный год, если по каким-то причинам не «корректировалась» классным руководителем. Иногда и жёстко. В ответ на поведение, например, тех же «камчадалов».

Интересно всё-таки устроена жизнь. Учёба придумана человеком, а сам учебный процесс и перечень изучаемых дисциплин изменяются то же человеком вплоть до упразднения оных. Но вместе с образовательным процессом, управляемым соответствующими министерствами и ведомствами, параллельно идут и процессы взросления каждого ребёнка в соответствии с вечными, никем не отменяемыми законами природы, которым волею Творца подчинён каждый человек на земле. Речь в данном случае идёт не столько о накоплении знаний и повышении на этой основе роли разумного начала в человеке, сколько о всё большем проявлении с возрастом жизнеобеспечивающих природных инстинктов.

По-видимому, невозможно однозначно для всех определить тот возраст, когда девочки начинают проявлять повышенный интерес к мальчикам, равно как и мальчики к девочкам. Матвей впервые почувствовал в себе какие-то новые ощущения, когда уже в 6-ом классе одна девочка прямо на уроке, вызвав смех всего класса, своим нечаянным вопросом учительнице выдала свои симпатии к Матвею. Девочка выделялась на сером в те годы фоне сельских девчонок своей одеждой и обувью, своей активностью и весёлым поведением. Она была дочкой учителей, «сосланных» в село, по-видимому, для исправления отца, злоупотреблявшего спиртными напитками.

Матвей хотя и испытывал симпатии к этой довольно привлекательной и очень грамотно, не по-деревенски, разговаривающей девочке, но его природная застенчивость и скромность, обуемые к тому же в лапти, вынуждали держаться в отдалении. Вздохи и взгляды, характерные для такого состояния двух молодых людей, закончились после 7-го класса, когда её родители были переведены для дальнейшего «исправления» куда-то в другое место. За все годы учёбы в сельской школе у Матвея это была первая и единственная любовь. А «первая любовь не ржавеет». Потому и помнится. Конечно, вздохи и томные взгляды наблюдались и у других маль-

чишек и девчонок, подверженных, как и всё живое на земле, этому естественному и вечному «броуновскому движению». Живые тянутся к живым. Это природа!

Все ручейки сливаются в море

Несомненно, для современного человека (за редчайшим исключением) школа есть один из важнейших этапов на пути к становлению его как гражданина. Важность этого этапа состоит даже не в том, что школа закладывает основы знаний, приучает ребёнка к систематическому труду, учит моральным и этическим правилам поведения в коллективе. Не маловажно, что школа становится исходным рубежом на предстоящем жизненном пути человека. С него начинается уже осмысление им всяких жизненных проявлений, в том числе и коллективистских, с него начинают зарождаться планы на будущее, а всякие устремления начинают обретать более строгие и осмысленные рамки. Именно в школе зарождаются надежды и какие-то варианты по их осуществлению. Именно в школьные годы происходит загрузка сознания основополагающими нормами и правилами, по которым живёт государство, и вообще человеческое общество, считающимися незыблемыми, обязательными и необходимыми «и ныне, и присно, и во веки веков».

И именно в это время происходит, чаще всего, тихо и без огласки, появление у части учеников «крамольных» мыслей, в той или иной степени отрицающих и незыблемость, и обязательность, и необходимость для устойчивого существования общества тех самых краеугольных норм и правил. Поэтому процесс выпуска из школы можно уподобить дельте большой реки, истекающей в море помимо основного, полноводного русла, множеством извилистых протоков и ответвлений. Заметим, однако, что как там, так и здесь всё стекает в море, будь оно природным водоёмом или человеческим обществом, принимающее в своё чрево всё, что под действием определённых сил способно перемещаться по земле. Какой чистоты будет то и другое море, напрямую зависит от полноводности всех впадающих сюда рек, речек и ручейков и степени их засорённости естественными и искусственными включениями.

Матвей всю свою сознательную жизнь старался быть в основном русле, как, по-видимому, и большинство, не только одноклассников, но и потом многих попутчиков в этой жизни. Вне всякого сомнения, в школе, если хочешь приобрести хорошие знания, некогда искать какие-то ответвления от основного русла. Куда они могут завести? Кто знает? А быть в основном русле, если не всегда легко (может быть и так!) и приятно, но уж точно комфортно. В том смысле, что если не выходить за означенные берега, то к тебе никто и никаких претензий предъявлять не будет. Да и думать не надо! Плыви вместе со всеми и приплывёшь к означенной кем-то пристани. Так и ведёт себя большинство в человеческом обществе. По крайней мере, до последнего времени, вело.

Выпускной класс. Из детства к взрослым проблемам

Вот уже и учёба близка к завершению и пора думать о призыве на военную службу для исполнения священного (в селе было такое убеждение!) долга родину защищать. В те годы существовал жёсткий порядок, суть которого заключалась в том, что все юноши, достигшие призывного возраста, обязательно проходили в военкомате медицинское обследование и при заключении о пригодности к воинской службе получали так называемое «приписное свидетельство». После чего они переходили в режим ожидания повестки для прибытия в военкомат и отправки в войска. Матвей ещё в начале десятого класса в числе многих одноклассников уже был «переростком», превзошедшем призывной возраст. Война тому была причиной. Но никого из них призывать не стали до окончания средней школы. Учёба продолжалась без излишних волнений, впереди уже маячил выпуск и голова начинала побаливать от необходимости опре-

деления дальнейшей судьбы, которая для части выпускников заключалась в получении ответа на вопрос: «куда пойти учиться?».

Для Матвея этот вопрос был решён уже вскоре. Во время повторного медицинского освидетельствования за несколько месяцев до выпуска из школы, в военкомате было предложено написать рапорт о зачислении абитуриентом для поступления в военное училище. Решение связать свою дальнейшую жизнь с вооружёнными силами великой страны было, конечно же, не спонтанным, оно вызрело в ходе длительных бесед с друзьями и товарищами, некоторыми педагогами, в частности, с преподавателем военного дела в школе. Рапорт был написан в конкретное военное училище, и теперь оставалось только ждать выпуска из школы и получения повестки из военкомата для отправки на приёмные экзамены. Военкомат призвал всех абитуриентов не беспокоиться и успешно закончить школу.

Как всё удачно складывалось! Учиться на полном казённом обеспечении, не думать ни о пропитании, ни об одежде, — не это ли предел мечтаний сельского парня? В глазах у одноклассников, отобранных для обучения военному делу, прямо — так светились глаза от счастья стать офицером. Появилась гордость за себя, что тебя оценили и выделили из числа многих одноклассников. Мечты об институте, тем более московском, были похоронены уже давно. В какой институт поедешь, не имея ни одежды, ни обуви, необходимого минимума денежных средств для пропитания. Откуда мать могла всё это обеспечить. Ребята с отцами и то смущались от своих возможностей. Хотя Матвей в летние каникулы и работал в колхозе, вывозя из животноводческих ферм навоз на поля, работая на комбайне при уборке и обмолоте зерновых, заготавливая сено для колхоза и на других работах, помогая матери, но разве такими заработками прокормишься. Вся надежда, чтобы не умереть с голоду, была на свой огород, целиком засаженный картошкой. Ничего другого не сеяли и не сажали. Только картошка!

Кстати, в те годы огромное село выглядело серым и унылым, потому что никаких садов не было из-за очень высоких налогов на фруктовые деревья. Даже остерегались, несмотря на призывы школы, высаживать около своих хатёнок те же берёзы. Матвей, правда, посадил, несколько берёзок, а уберёт всего одну, выросшую белоствольной красавицей. Которую, однако, пришлось срубить при постройке нового дома, когда Матвей уже не жил в селе. Но к тому времени были отменены драконовские налоги на фруктовые деревья, и население потихоньку стало заводить сады.

И всё-таки находчивый у нас народ. Соскучившись по зелёным насаждениям, вдруг сделал для себя «открытие», что если в землю забить хороший ивовый (ракитовый) кол, то уже на следующий год гарантированно вырастала вверх пышная зелёная метёлка. А через несколько лет вырастало приличных размеров с приятной листвой дерево. Уже к окончанию школы село очень похорошело, стало зелёным, вокруг школы так же поднялись деревца, ставшие через несколько лет прямо-таки огромными ракитами. Часть из них сохранилась и до сих пор.

Приближение выпуска из школы свидетельствовало и о достижении её выпускниками уже такого возраста, когда как никогда до этого приходилось обращать внимание на свой внешний вид. Ведь в селе про мальчишек такого возраста уже открыто говорят, что они стали женихами, а девочки невестами. А какой жених пойдёт к девушке на свидание в грязной и рваной рубашке? Не каждый отважится. Матвей в этот год получил обнову, даже весьма значительную. Мать, понимая, что Матвей вступил уже в тот самый жениховский возраст, собрав все резервы, купила к выпускному вечеру первый в его жизни костюм и туфли, как всегда, на размер меньше. Ведь покупки всегда производились в районном центре, куда мать, как правило, добиралась одна и вся обувь и одежда покупалась ею «на глазок». Ещё в начале зимы мать по такой же методике купила Матвею резиновые сапоги «на весну», да такие тесные, что даже с тоненьким носком нога в них влезала с огромным трудом. Матвею эта досадная покупка запомнилась надолго, потому что она стоила ему очень серьёзного ревматического заболевания.

ния ног, которые, извините, так «распухли» и были такими болезненными, что уже в никакую обувь не лезли. Пришлось перестать посещать даже школу. Спасибо, что учителя приходили навещать. «Ничто на земле не проходит бесследно». Это так! Но всё-таки, приобретённые мамой костюм и ботинки, хотя и очень тесные, позволили в хорошем настроении отпраздновать выпускной вечер, и именно в них Матвей вышел «в люди».

Вне всякого сомнения, выпускной вечер после окончания средней школы, есть событие не ординарное и знаменательное. Это первый праздник практически взрослых уже людей, выполнивших за 10 лет пребывания в школе огромную работу по изменению своего внутреннего мира на основе полученных знаний и навыков, общения со своими одноклассниками и, конечно же, с учителями. В те годы, особенно в сельской местности, учитель был очень уважаемой личностью, и не только в школе, но и в селе. Он был носителем как бы сакральных знаний, полученных не только в учебном заведении, но и благодаря жизни в городе, который, как правило, предоставляет возможность посещать имеющиеся там другие образовательные учреждения, учреждения культуры, музеи, театры, выставки, библиотеки и др. Для сельской молодёжи все эти источники информации, как правило, не доступны. А потому учитель в те годы был по своему образовательному уровню недостижимо выше всех учеников. Современному учителю не позавидуешь, потому что у него в руках практически те же источники информации, что и у учеников. Выручает только его жизненный опыт и обязательная для учеников учебно-методическая литература, которую они в своих гаджетах навряд ли будут стараться искать.

Тот выпускной вечер остался в памяти Матвея потому, что мероприятие такого масштаба было первым в его жизни, что здесь в последний раз собрались все одноклассники, что основные разговоры ведутся теперь о будущем, о надеждах и ожиданиях и возможностях их реализации. Настроение было приподнятое, тем более на столах стояли бутылки с «портвейном» и довольно привлекательные для села закуски. Кстати, перечень закусок на праздничный стол классный руководитель Матвея пришла согласовать с его матерью. Конечно, не для того, чтобы утвердить меню из блюд, которые мать и не знала, а для согласования расходов, на которые могли пойти родители учеников. К матери Матвея учителя относились с уважением благодаря, по-видимому, отличной успеваемости его.

Хотя весь этот выпускной праздник проходил под светом керосиновых ламп (без электрическое тогда было время) и никаких фейерверков не планировалось, на настроение выпускников это никак не сказалось, - все были привычны к этому. Конечно, дирекция школы сделала хорошо, найдя возможность согласовать убранство праздничного стола, но то, что она не пригласила из города фотографа (в селе таких не было!), чтобы запечатлеть первый и последний раз на единой фотографии всех выпускников первого в истории этой школы выпуска, это было очень плохо..Ребята задавали вопросы своим наставникам, но кроме широко расставленных якобы в недоумении рук, ничего вразумительного от них не услышали. Очень жаль.

Практически сразу после выпуска одноклассники рассыпались как крупа из мешка при сильном ветре. Все связи моментально прервались, каждый занялся реализацией своих планов и намерений, без всякой информации, кроме близких друзей, о делах друг друга. Отсутствие общей фотографии и не менее то обстоятельство, что среди выпускников преобладала вообще-то какая-то серая масса при крайне малом числе в их рядах заметных личностей, привело к тому, что в памяти Матвея не осталось никого кроме близких друзей. К сожалению!

И вот выпускной вечер отгремел, настроение прекрасное, теперь ждём вестей из военкомата и как можем, отдыхаем с друзьями. Уже всё реже и реже вспоминаются школьные недели, бывавшие такими длинными, всё больше мыслей о предстоящей воинской службе. Матвей совершенно не боялся никаких трудностей этой службы, так как считал, что выжив во время войны, испытав многолетний голод и холод, прожив значительное время после войны в землянке, уже ничего хуже не может быть.

«Хотел бы я парить орлом по поднебесью...»

Мечты и надежды! Надежды и мечты! Какими они бывают томительными и сладостными в этом возрасте! И как хочется, чтобы практическая реализация задуманного была быстрой и полной. Молодость нетерпелива в своих устремлениях. И ничего с этим не поделаешь. Это естество растущего организма. Молодо, -зелено. Да часто и глупо. Максимализм в ожиданиях – это своеобразный грех молодости, за который приходится платить, испытывая иногда очень большие разочарования. В связи с этим вспомнилось почти повальное увлечение школьников старших классов альбомами, в которых что-то рисовали, что-то писали, что-то и кому-то посвящали, изображая, как позволяла фантазия, «заветный вензель». Писали в них и о сокровенном, о своём личном. А потому альбом показывали только близким друзьям. И никому больше! Иначе найдутся зубоскалы, которые засмеют, особенно ребят с легко ранимой натурой, стеснительных, как Матвей.

Такой альбом «разрисовывал» и Матвей. Прямых посвящений в нём не было, потому что в то время уже не было предмета воздыханий, но было много понравившихся ему фраз, в том числе и стихотворных, из прочитанных им книг, которых Матвей «пропустил через себя» довольно много. Матвей имел пристрастие «выдёргивать» из текста понравившиеся ему громкие (броские) фразы типа: «лучше иметь перед собой стадо львов под началом барана, чем стадо баранов под началом льва», приписываемой Наполеону, и потом старался произнести их сообразно случаю. Вообще-то такой «учённостью» болели и его сверстники, но не многие. Потому что мало читали, а из школьных учебников афоризмов особо и не извлечёшь.

Матвей же, находясь, по-видимому, в плену нахлынувшего откуда-то романтического оптимизма, на второй странице альбома отличным каллиграфическим подчерком, изменив во фразе лишь одно слово, «выразил убеждение», что «все бури и штормы прошли надо мной». Нет бы, оставить слово как в оригинале «пройдут» и было бы всё логично. А тут осмелел! Возомнил, что ли, себя теперь над облаками, вне пределов этого непролазного сельского бытия? С чего бы это? Совершенно не было у него никаких оснований для такого бахвальства. Как же! Прошли! Чего же ты тогда сидишь в своей полуземлянке, от чего укрываешься? На улице ведь теперь ясное солнце и полнейший штиль, а в колхозе такое изобилие всего, что и кушать уже не хочется. Некуда! Сыт по горло!

Но, находясь даже под впечатлением изобретённой для себя великой надежды, присмотревшись к тому, что за окном, пришлось убедиться в том, что штиль бывает очень редко, а молнии как сверкали тогда, так и сейчас они напоминают о величии подлунного мира во всех его проявлениях. А об изобилии напоминала лишь варёная картошка на столе, правда в достатке. А потому, на самом деле, это была не столько убеждённость, сколько проявление детской самоуверенности, увлечённости броскими цитатами. И, к сожалению, без их глубокого осмысления.

Но вот что примечательно. Матвей был всё-таки довольно рассудительным (по его годам) и самокритичным юношей (хотя детская самокритичность далеко не то, что взрослая, осознанная). Он уже вскоре понял, что допустил явный ляпсус, оторвавшись в порыве нахлынувшего романтизма с оптимизмом от земной реальности. Тоскливо посмотрев на красиво написанное, но всё-таки опрометчивое утверждение, исправлять его не стал, при очередном обращении к альбому эту вторую страницу пропускал, как будто её и не было. Прошло какое-то время, и сам альбом утратил всякую актуальность.

Всё проходит в этом мире. Так прошло и увлечение альбомами. Взросление самым естественным образом удаляло от романтизма, детского. Но вот что интересно. Казалось бы, что написанное на такой, далеко не «гербовой», бумаге как обычный альбом, есть всего-навсего проба детского пера, не предполагающего каких-то серьёзных последствий. Тем более, что сам альбом с написанным в нём пафосным заблуждением давным-давно канул в Лету. Ан, нет!

Память и до сих пор хранит ещё то детское смущение от проявленного тогда романтического стремления выдать желаемое за действительное. Она теперь как бы стоит на страже не допущения впредь таких скоропалительных выводов без глубокого осмысления всего комплекса сопутствующих этому процессу проблем и обстоятельств. Вот такая, оказывается, длинная память у человека, ценящего свою репутацию и глубоко переживающего за ошибки молодости. Хотя от ошибок никто не застрахован, ни в молодости, ни в пору зрелости. «Конь о четырёх ногах и то спотыкается!» – такова народная мудрость.

Матвей никогда не был мистиком, но и никогда вслух не отрицал существования высших сил, окормливающих не только его, но и каждого живущего на земле. Возможно, что такая подсознательная вера получена от матери, глубоко верующей женщины, поучавшей детей своих помнить о Боге и не совершать плохих поступков, за которые он может и наказать. Творец всего сущего в пределах отведённого им же каждому человеку срока пребывания на этом белом свете и карает каждого за его грехи (проступки и прегрешения), и ниспосылает милость свою, если видит, что прегрешение совершено (а безгрешных нет: «пусть бросит в меня камень тот, кто безгрешен») не по злему умыслу, а «грешник» ведёт образ жизни, не порочащий Творца.

Матвей и старался вести себя тихо и мирно, не доставляя никому никаких неудобств. Таков был его природный менталитет. Но, по-видимому, Господь узрел в той альбомной записи гордыню Матвея, посягнувшего управлять бурями и штормами, творениями Божьими. За что и поплатился.

Кто же знал, что все мечты и надежды выпускника, первого ученика школы, рухнут через какой-нибудь месяц после выпуска. Военкомат нанёс удар прямо «под дых», отказав в направлении в училище, что впору было впасть в отчаяние. Это же военкомат! Его не обойдёшь! Что оставалось делать Матвею? «Перенеси с достоинством то, что ты не сможешь изменить», так как «выше головы не прыгнешь»? Но ведь всё его естество протестовало против совершённой против него несправедливости. Разве так можно карать этого мечтателя -безотцовщину, примерного по всем статьям сельского юношу? «Неисповедимы пути твои, Господи!» Но Господь высоко и далеко, а на земле для своего блага что-то надо делать и самому. Но, что? Кто наставит, кто подскажет?

Может всё-таки попробовать самому изменить ситуацию в свою пользу? Но вариант такого решения отыщется позже. Как будто сам Господь Бог испытывал Матвея, на что он способен в борьбе за своё пребывание на этом белом свете.

«Все мы находимся под Богом», -говорят многие люди, вкладывая в это выражение часто совершенно разные смыслы, на основе которых и формируется своё понимание земного бытия. Чаще всего это понимание сводится к тому, что в этой жизни на человека воздействует много факторов, с многими из которых он бессилен что-либо сделать, тем более, предотвратить их. Утверждение о наличии среди этих факторов и «сил небесных» заключено в приведенной фразе. Но любой человек, соглашаясь с таким постулатом, навряд ли однозначно назовёт свой статус нахождения под Богом: то ли над ним висит «меч карающий», то ли распростёрта милостивейшая длань Господня. Кто подскажет? Навряд ли какой-то оракул.

По-видимому, наиболее достоверный ответ может дать только сам человек на основе оценки изменений своего внутреннего состояния в ответ на то или другое событие в его жизни. Не сразу и, должно быть, не всякому даётся такое прозрение, даже если и будут проанализированы все этапы своей жизни, начиная от начальных классов школы.

У Матвея сложилось мнение, много позже, конечно, что, по-видимому, Господь всё-таки благодетельствует тому, кто борется за своё место под солнцем, кто трудолюбив и избегает лени, праздности и прочих человеческих пороков, кто в поте лица своего добывает тот самый хлеб насущный, как залог выживания всей семьи. К сожалению, «путь к звёздам» тернист и многотруден, так что не всегда получается при достижении победы на каком-то жизненном этапе обходиться без ран и ссадин. Тем более, когда настроение портят легко порха-

ющие по жизни «коллеги», находящиеся под покровительством сильных мира сего. Конечно, они то же в человеческом облики, но очень часто «без царя в голове» и без Бога в душе. К сожалению!

Жизни без печалей не бывает

А как бывает? Задаётся ли кто-нибудь из живущих на земле: чего было больше в его жизни, радостей или огорчений? Задаются. И многие. А что на выходе по результатам этого подсчёта? Как правило, лишь качественная оценка. Вроде вот этих: «нормально прожил жизнь»; «ничего хорошего не было, вспомнить нечего»; «это была не жизнь, а сплошная мука»; «было, и хорошее и плохое, всё, как в жизни». Даже не исключается и то, что кто-то посчитает хорошее и плохое в своей жизни в процентах: «да, примерно 50 на 50». Ибо каждый человек оценивает своё отношение к хорошему и плохому по своей методике, присваивая по своему усмотрению вес каждому событию в его жизни.

И таких вариантов ответа можно привести бесчисленное множество, вернее не бесчисленное, а по числу встреченных людей. И навряд ли в таких оценках важны эти проценты, ибо эти оценки всё-таки для внутреннего потребления, потому что они касаются жизни конкретного человека и никого больше. И, по-видимому, здесь важны не проценты, а степень эмоционального воздействия на человека того или иного события в его жизни.

Тот удар «под дых», который Матвей получил от военкомата, случился в самом начале его взрослой жизни, отождествляемой им с окончанием средней школы. Жизни то ведь ещё не было, по крайней мере, осмысленной. В этом возрасте такое поведение военкомата, без всяких на то оснований изменившего им же принятое решение на зачисление абитуриентом в училище, было ничем иным, как откровенно пренебрежительным (что хотим, то и делаем) унижением Матвея как личности, а потому вызвавшее у него уже осознанное сильнейшее эмоциональное потрясение, сравнимое разве только с ужасом, испытанным Мотей при проводах отца на войну и получением через три года извещения о его гибели. Такие события не забываются. Всю жизнь.

Но даже в таких обстоятельствах нормальные люди не ищут сразу же верёвку, а мобилизуют себя для отыскания выхода из создавшегося положения. Разве дано человеку заранее знать свою судьбу? Кто может гарантировать, что за этим испытанием не последует другое, может быть ещё более тяжёлое. Хотя и все мы под Богом, но Господь никогда не спешит оповестить о своих намерениях. Поэтому «на Бога надейся, да сам не плошай». А Господь оценит тебя по трудам твоим, но после, когда в «небесной канцелярии» разложат всё по полочкам. На это нужно время, часто очень большое.

А о принятом там решении «качать или миловать» человек может узнать лишь по изменению своего внутреннего состояния, неразрывно связанного с активностью его устремлений занять подобающее место под солнцем. Нет никакой прямой связи с Господом, даже если и лоб разобьёшь в своих мольбах к нему в доме его. Таков он. Недоступный. Впрочем, это должно быть и правильно. Ибо нужно соблюдать дистанцию от тех, кто «из земли взят и в землю же обратится», так как от них можно ожидать всего, чего угодно, а только Он вечен и безупречен в своём поведении и делах своих.

«...Тот образ во мне не угас...». Радость в печали

Матвей, потихоньку справившись со стрессовым состоянием после полученного от военкомата нокаута и обратившись «куда следует» с надеждой на справедливое разрешение его просьбы об отправке в училище, как-то даже успокоился и стал смиренно ждать команды из того же злополучного военкомата. Режим ожидания совершенно не предполагает затворни-

ческий образ жизни. Встречи с друзьями продолжались, стремление учиться никуда не делось, а только больше обострилось, поэтому и увеличилась тяга к серьёзной литературе, политической и технической, которую, к счастью, можно было отыскать в библиотеке сельского клуба. «Броуновское» же движение никто не отменял, люди перемещались по его законам и встречи с новыми людьми были неизбежными. Что и случилось в один из прекрасных августовских дней, когда перед Матвеем предстала совершенно незнакомая девушка, назвавшаяся Таисией. Между молодыми людьми проскочила та самая божья искорка, заставившая их посмотреть друг на друга более внимательно. А внимательность позволяет не только увидеть, но больше почувствовать внезапно возникшую обоюдную симпатию молодых людей. С самого первого дня знакомства возникло то чувство, которое накрепко привязывает молодых людей друг к другу. Сильнее чувства искренней и чистой любви на этом белом свете больше ничего нет.

Молодые люди стали встречаться ежедневно, в темах для разговоров недостатка не было, ибо в этом возрасте фантазии, устремления и планы на будущее льются как из рога изобилия, а тёплые августовские вечера и яркое звёздное небо лишь добавляли романтики и желания постичь всё это звёздное великолепие. Несомненно, разговоры о земном бытии, в том числе и о продолжении образования, велись довольно часто, тем более, что перспектива Матвея стать военным заинтересовала и Таисию. Тогда же были и неоднократные разговоры о вариантах дальнейшей работы Таисии, ибо оставаться надолго заведующей сельским клубом в этом селе был не лучший из них. Это огромное село уж очень было удалённым от районного центра. Отсутствие необходимой инфраструктуры, дорог, жилья, непролазная грязь после дождей и прочие бытовые неудобства вырисовывали портрет села в не очень привлекательном виде.

Хотя Таисии местный народ очень понравился своей добротой, общительным характером, и уже успел зауважать её за «политинформации» прямо на колхозных полях, за организацию культурных мероприятий в клубе. Ясно было одно, что без дальнейшего образования очень трудно будет найти подходящее для себя «место под солнцем». Одним из вариантов получения нужного для жизни образования было поступление в медицинское училище, тем более, что оно уже давно функционировало в областном центре. Как -то уж так получилось, что молодые люди вроде бы уже и планировали совместную жизнь, хотя никаких даже намёков на такое возможное продолжение отношений ни с той, ни с другой стороны пока не было.

Не прошло ещё и месяца с начала знакомства, как Матвей получил долгожданную команду на отправку в военное училище для сдачи вступительных экзаменов, хотя было хорошо известно, что приёмные экзамены в военно-учебных заведениях заканчиваются к концу августа месяца. А сейчас уже закончилась первая декада сентября. Но команду полагаётся выполнять, тем более, что она была инициирована самим же Матвеем, обратившимся «куда следует» для справедливого решения его судьбы. Несомненно, такой поворот событий доставил огромную радость всем: матери, бабушке, и брату, находившемуся полностью под влиянием Матвея, заменившим ему родного отца.

Но если проводы в сельской семье были всего лишь обычной печальной формальностью при убытии юноши на военную службу, то предстоящее расставание с любимой девушкой имело, конечно, особый смысл. Ведь предстояла долгая разлука, а в разлуке всякое может случиться. Живые люди и думают о живом, находясь постоянно в окружении таких же молодых людей. Матвей и Таисия восприняли предстоящую разлуку как испытание им обоим, заверили взаимно о чистоте своих помыслов и сохранении верности друг другу, и, конечно же, что будут часто писать письма.

И вот что знаменательно: Матвей ни разу, а это абсолютно достоверно, ни дома на проводах, ни прощаясь с любимой девушкой, даже не задумался о возможности не зачисления в училище, например, в случае неудовлетворительной сдачи экзаменов. То ли это забвение было следствием эйфории от полученной долгожданной команды на убытие, напрочь исключившей из сознания негативный вариант, то ли это была глубокая подсознательная уверенность в своих

знаниях. И уж, конечно, такое поведение ни в коем случае не было следствием высокого мнения Матвея о себе, ибо этим он никогда за всю свою сознательную жизнь не страдал. Теперь, по прошествии многих лет с той поры, Матвей Трофимович склонен считать такое своё поведение проявлением милости Господа, таким образом избавившего его от лишних волнений (и так наволновался!) перед предстоящими экзаменами.

Глава четвёртая. Об устремлениях и препонах

«Хочешь быть счастливым? Будь им!»

Должно быть не следует отрицать того факта, что все значимые, а потому и запомнившиеся события в жизни каждого человека так или иначе связаны с преодолением разного рода жизненных препятствий, позволяющих начать новый, переломный, может даже судьбоносный этап его жизни. Сколько и какой сложности препятствий будет ниспослано каждому конкретному человеку, заранее никто не знает. Таких уведомлений Господь не посылает никому. Может это и хорошо, что человек избавлен от излишних волнений в ожидании каких-то серьёзных препон, в том числе и предполагающих трагические последствия, например, от тяжёлой болезни.

Много чего встретилось на жизненном пути Матвею, но в течение всего взрослого активного периода жизни он ни разу не связывал успешность преодоления встретившихся препятствий ни со своей настойчивостью и работоспособностью, как присущими ему чертами характера, ни с помощью каких-то покровителей из-за отсутствия таковых. Он просто всегда был целеустремлённым тружеником, даже не задумывающимся о причинах успехов и меньше всего возвеличивающим собственную персону. Самолюбование, тем более бахвальство своими успехами, всегда претило ему, что позволяло вести себя тихо, смиренно и скромно, но и не оставлять без строгой отповеди поведение окружающих его людей, всячески старающихся выпятить себя без стремления добросовестно трудиться.

Но уже в пожилом возрасте, анализируя пройденные жизненные пути-дороги, как бы само собой в сознании всё настойчивее и настойчивее начинает буквально пробиваться мысль о том, что одних только своих положительных черт характера всё-таки мало для реализации своего призвания на этом свете. Нужно какое-то хотя бы маленькое покровительство со стороны людей, обладающих для таких действий определёнными возможностями. Даже не обязательно постоянное, а лишь в какой-то ситуации, могущей, тем не менее, изменить направление жизненного пути. Иметь же постоянного опекуна простому человеку, по-видимому, всё-таки маловероятно.

Но ведь есть же всё-таки постоянное опекунство. И оно в большей части следует не от людей, а от того, что «все мы под Богом», о чём и сверлит сознание упомянутая выше мысль. Может быть, и не стоило бы говорить об этом, дабы избежать возможных обвинений в нескромности и в какой-то исключительности, удостоившейся такого внимания. Но никуда не денешься, ибо жизненная правда состоит в том, что есть силы небесные, олицетворяемые с Господом Богом, благоволящие каждому человеку, хотя и в разной степени, преодолеть ниспосланные им же испытания, справившись с которыми человеку удаётся выдержать намеченный курс на многие годы вперёд. Так что «все мы под Богом» и никуда от этого не уйти. Теперь же, уже на склоне лет, Матвей Трофимович отважился предать огласке, да простит его Господь, свои сокровенные наблюдения и выводы о возможном покровительстве над ним сил небесных, о чём ниже и пойдёт речь.

В жизни бывают и вроде бы знаковые события, но, тем не менее, не оставляющие в сознании глубокого следа. Окончание средней школы для Матвея, несомненно, было знаковым событием, но то, что его, единственного ученика из двух выпускных классов с единственной в аттестате четвёркой по русскому языку, обошли положенной ему по закону серебряной медалью, прошло как-то незаметно и каких-то переживаний у него никогда и не вызывало. Хотя медалью и не наградили, и в этом менее всего повинны силы небесные, а лишь человеческий фактор, но полученные в школе знания были достаточно прочными, что позволило последу-

ющие среднее и высшее учебные заведения закончить с отличием. А тщеславием Матвей ни тогда, ни потом не страдал. Ему такое качество характера не присуще. Хотите, верьте, хотите, нет, но это есть истинная правда!

Но в этом выпускном году состоялись более судьбоносные события. Изъявив по запросу райвоенкомата желание учиться в военном училище, Матвей прошёл все медицинские комиссии о годности к военной службе и учёбе, был распределён в соответствии с рапортом как отличник учёбы, в высшее инженерное зенитно-ракетное училище и теперь оставалось только ждать (как заверили в военкомате) повестки для отправки в училище. Но вот и все одноклассники, отобранные в военные училища, повестки получили и убыли туда для сдачи вступительных экзаменов. А Матвея в их рядах не оказалось. Почему? Переживаниям его не было предела и, набравшись смелости, поехал в военкомат. «Вместо вас в училище отправлен другой выпускник вашей школы. Вы пойдёте служить в армию. Ждите повестку», - заявил военкоматовский майор, занимающийся комплектованием призыва. Фамилию этого продажного «служаки», за ведро мёда и какие-то еще деньги, привезённые отцом того самого парня, направленного вместо Матвея, помнится и до сих пор. Подлец, он и везде подлец.

Такое поведение вроде бы военного человека для Матвея было весьма неприятным открытием. Оказывается, что и в армии есть непорядочные и нечестные люди. Матвей никак не мог взять в толк, как это его, лучшего ученика школы, при отсутствии каких-либо отрицательных на него характеристик, не направить в училище? Такое поведение военкомата было для него оскорбительным и обидным, очень обидным, что первые дни он просто был как потерянный, совершенно не знал, что делать из-за подавленного состояния и впервые в жизни испытанного такого унижения. Ниже уж было некуда. Хотя и с великой обидой Матвей встретил решение военкомата, но со смирением: служить, так служить, ибо обязанность исполнять воинский долг пока никто и никогда не оспаривал. Это было в крови всех жителей того большого села.

О таком несправедливом к нему отношении вскоре знало всё село. Помимо соболезнований, тяжёлых вздохов и ободрений начали поступать и советы, которые из-за их, прямо скажем, примитивизма, Матвей принимал, что называется, лишь «к сведению». Но вот слова дяди, расстроенного не меньше, сказанные им в форме то ли вопроса, то ли – совета: «может написать куда-нибудь?», Матвея здорово озадачили. Ведь было ясно, что если и писать, то тому, кто может решить судьбу сельского парня. Ни в районе, ни в области таких «решал» не просматривалось, они училищами не распоряжались. Идея «написать» Матвея захватила полностью, и при обсуждении её с товарищами и дядей было признано наиболее целесообразным обратиться к самому большому военному начальнику. Таким начальником просматривался только Министр Обороны СССР (тогда он назывался Министр Вооружённых Сил СССР).

Назвать адресат – то легко, но как ему написать. Ведь это же Министр! А Матвей ведь простой сельский парень даже обычного письма никому не писал. Некому было. А тут надо Министру! Боязнь просто страшная. Это же ведь надо писать в Москву, Министр то там. А Москва она ведь может и... Мысли одна страшнее другой, что будет, если..., будоражили сознание, мешая сосредоточиться на конкретных действиях. Да и адреса ведь не знали. Куда писать? Как Ванька Жуков «на деревню дедушке». Москва то ведь больше любой деревни. Голова кругом шла. А ведь уже на улице август месяц в разгаре, пора действовать, не за горами сентябрь, когда уже все начнут учиться и заниматься каким-то деревенским неудачником никто не будет. Разве мало таких парней в Великом Советском Союзе? А разве мало своих дел у Министра? Ему уж точно не до Матвея.

Но страстное желание учиться, в конце концов, вынудило Матвея сесть за стол. Преодолев робость и боязнь за последствия письма к такому очень большому военному начальнику, военному ведь!, вырвав из школьной тетради два чистых листа на полтора из них Матвей излил свои слёзы. Упомянув о своих успехах в школе, описал и бедственное мате-

риальное положение семьи, не позволяющее ему продолжить учёбу в институте из-за отсутствия денежных средств, одежды и обуви. Матвей и до сих пор сожалеет, что не сделал копию своего послания (некому было подсказать). Хорошее школьное образование позволило ему довольно коротко, но, тем не менее, чётко сформулировать причины обращения в такую высокую инстанцию.

Это письмо было не жалобой на того майора-прохвоста, а просьбой о помощи. Это совершенно точно! Ни о какой мести тогда совершенно не думалось, даже когда Матвей вынужден был упомянуть о взятке, благодаря которой в училище поехал не он, а его одноклассник, отец которого похвастался дяде Матвея, как он за ведро мёда и деньги устроил своего сына. Хотя копии и не было, но заключительную фразу своего письма Министру Матвей помнит и до сих пор: «неужели мой отец погиб за то, чтобы его сыну не дали возможность учиться в военном училище?». Поставив дату и подпись, запечатал свои муки в конверт, на котором большими буквами написал: «Москва Кремль Министру Вооружённых Сил Маршалу Советского Союза Булганину Н. А.», указав ещё и обратный адрес, и отнёс письмо на сельскую почту. Как гора с плеч свалилась. Теперь будь, что будет. Содержание письма Матвей не показывал никому, считая, что если там, в Кремле, задумают о нём что-то плохое, то виноват во всём будет только он. Теперь страха совершенно не было, а было смиренное «будь что будет».

Были ли у Матвея какие-нибудь надежды на благоприятный исход? Пытаясь сейчас с высоты прожитых лет вспомнить то своё состояние, он приходит к убеждению, что никаких иллюзий о благоприятном для него исходе его слёзного крика о помощи он не питал. Просто появилось ощущение какого-то спокойствия: свою работу сделал и теперь от него уже ничего не зависит, его судьбу будут решать другие, на которых повлиять ему уж никак нельзя.

Началось томительное ожидание наступления хоть какой-то определённости. Её мог дать либо ответ из Москвы, либо повестка из военкомата для отправки на службу в армию. Это было больше всё-таки тягостное состояние, вызванное причинённой обидой этому незащитному сельскому пареньку, оставшемуся без отца, которого он помнил и постоянно призывал со слезами на глазах к себе на помощь. Это, должно быть, был пик его страданий в самые тяжёлые для него послевоенные годы. Страдания Матвея может понять только человек, переживший такую же ничем с его стороны не спровоцированную обиду, обиду до глубины души, когда возмущённый несправедливостью человеческий разум понимает своё бессилие что-либо изменить самому в этой жизни.

В таком угнетении даже взрослые люди могут потихоньку впасть в состояние прострации, ничего хорошего не сулящей для их будущего. Тогда Матвей не очень разбирался во всех этих философско-психологических понятиях. Ему просто было очень не комфортно от осознания того, что примерность в учёбе и поведении совершенно не гарантируют справедливого к тебе отношения в реальных условиях социалистического общества, в котором тогда жили. Потихоньку наступало прозрение того, что в обществе (социализм и коммунизм почему-то в мыслях совершенно отсутствовали) судьбы людские часто зависели совсем не от громко провозглашаемых привлекательных лозунгов и деловых качеств конкретного человека, к которому и были обращены эти лозунги, а от действий многих «товарищей», поставленных на должности для воплощения в жизнь тех самых лозунгов в интересах простых людей.

Но вот что было интересно в поведении Матвея. Казалось бы, что испытанное унижение должно было напрочь отбить желание заниматься чем-то серьёзным. Но его страстное желание продолжить образование просто принудило идти в библиотеку в поисках литературы по интересующим его вопросам. Во время учёбы он часто пользовался довольно богатой школьной библиотекой, и тогда совершенно не мог предположить, что в сельской библиотеке для изучения он возьмёт домой «Капитал» Маркса и несколько книг по квантовой механике (название которых, к сожалению, забыл). Подумать только! В сельской клубной библиотеке такая экзотика! Кто комплектовал такие библиотеки? Если с Марксом ещё всё объяснимо, – идеологиче-

ские основы нашего государства полагалось знать, то кто здесь в сельской глуши, не имеющей даже электрического освещения, будет ловить эти кванты.

То, что, несмотря на угнетённое состояние, Матвей взял в руки очень серьёзную литературу, он объясняет тем, что где-то в душе (или на подсознании) тлела надежда, что он всё-таки будет учиться, несмотря на козни всех недоброжелателей. Страстное желание учиться и предпринятые действия для продолжения образования удерживало этого парня «на плаву» и стало надёжной защитой от безвозвратного скатывания в реалии холодного, голодного и беспросветно-тёмного в те годы сельского бытия с нараставшими в нём проявлениями негативных соблазнов.

Между тем время шло и пока никаких известий, ни хороших, ни плохих, не было. Вот и 1-ое сентября 1954 г. В тот день, как вспоминал потом Матвей Трофимович, ему было очень горько, обидно и даже почему-то стыдно. Стыдно за то, что первый раз в жизни не идёт в школу вместе с этими весело переговаривающимися нарядными ребятишками, мелькавшими за окнами развалюхи. Настолько было стыдно, что он не осмелился даже выйти в это время на улицу. Стыдно за то, что вместо привычного для него состояния какой-то даже одухотворённости, когда садился за школьную парту, он вынужден бездельничать. Может быть, кому то эти эмоции и покажутся блажью, но Матвей и до сих пор помнит то состояние подавленности, беспомощности и обиды. За что такое незаслуженное и несправедливое наказание?

Призывная кампания в те годы обычно начиналась в сентябре, а потому повестку могли принести в любое время. Но повестки не было, а родственники, жившие в другой деревне (километрах в трёх от села) попросили Матвея помочь скосить отаву на выделенном им колхозом участке. Конечно же, надо помочь. И с утра уже коса делала своё дело.

Косьба почти уже заканчивалась, время шло к обеду, когда в начале луга увидели оставившуюся легковую автомашину типа «Виллис». Хотя в те годы машин было очень мало, но особого значения этому событию уже не придавали. Мало ли какое районное, а может быть и областное начальство по каким-то своим делам сюда решило заглянуть. Но через какое-то время оттуда прибежал парень, такой же косарь, и с ходу бухнул: «Матвей! Там за тобой военные приехали, сказали, чтобы шёл к ним!». Известие было столь неожиданным, что все находившиеся рядом люди как-то сразу же притихли и насторожились. Матвея здесь все хорошо знали и знали с лучшей стороны, как и знали то, что военные просто так ни за кем не приезжают. Значит, Матвей натворил что-то такое, что за ним уже и приехали. А какой другой вывод они могли сделать в то время, когда ещё свежи были в памяти случаи, когда военные увозили, как потом оказывалось, «врагов народа».

А что мог натворить Матвей, самый обычный, может даже и запуганный реалиями тогдашней жизни, сельский парень. Слишком молод он был для какого-нибудь социального разбойника. Но ведь приехали то за ним. Почему? Сейчас может показаться неправдоподобным, но в тот момент, когда гонец перепуганным голосом произнёс те самые слова, повергшие Матвея, да и окружающих тоже в смятение (люди тогда всё-таки были добрее и сострадательнее, что ли), у него в голове никаких мыслей и доводов, объясняющих это неожиданное «явление военных народу», не возникло. Он, вспоминая тот эпизод, считает, что почувствовал лишь какое-то оцепенение и смирение, не страх, не боязнь, а именно смирение: «раз приехали за тобой, то нужно идти, куда деваться». Никаких высокопарных эмоций даже не возникло. Лишь смирение. Надо идти. Смахнув ладонью выступившие против воли и сознания слёзы, пошёл за гонцом, провожаемый низко опущенными взорами, у некоторых даже со слезами, присутствующих на покосе его родственников и их соседей, давно знавших Матвея.

Какие мысли роились в его голове во время того рокового пути, сказать весьма затруднительно. По-видимому, мыслей -то никаких и не было. Откуда там им было взяться при таком оглушённом сознании. Он даже и молитву никакую, даже «отче наш», не мог прочесть, потому что тогда не знал ни одной молитвы. Откуда их было знать молодому человеку, воспитывае-

мому школой и комсомолом атеистом. Эхе-хе! А идти то надо, ведь терпение военных, пославших за ним гонца, может и иссякнуть. А тогда и Господь Бог не поможет. Может быть, что-то подобное и было в голове, но скорее всего такое быстротечное, что и не осталось в памяти.

Подойдя очень близко и увидев спокойно стоявших двух военных, Матвей испытал не столько страх, сколько, как потом он рассказывал, почувствовал какое-то внутреннее облегчение, а причину перемены настроения пока истолковать никак не мог. Бывают ведь в жизни такие моменты, когда без всяких видимых причин внутреннее состояние может измениться на диаметрально противоположное. Чем это можно объяснить? По-видимому, лишь тем, что помимо сознания, или как элемент сознания, существуют предчувствия, природу появления которых уже давно пытаются понять и истолковать, применяя, в том числе, и разные технические термины, например такой, как биологическая связь. Но, скорее всего, что это промысел Божий, который человеку просто пока не познать.

Общение с поджидавшими военными было довольно быстротечным.. Стоявший ближе к Матвею полковник с планшеткой, видя его, по-видимому, довольно испуганное лицо, на котором ещё не просохли слёзы, попросил успокоиться, представился начальником политотдела облвоенкомата, и раскрыл планшетку. Матвей эти действия воспринимал как-то машинально, но когда он ответил полковнику утвердительно на его вопрос: «писали ли Вы письмо Министру?», то только тогда обратил внимание на раскрытую планшетку. Впервые в своей жизни увидел служебный документ со штампом в верхнем левом углу и большой красной печатью под коротким текстом внизу. А затем, о, ужас!, и своё письмо, строчки которого были подчёркнуты местами то синим, то красным карандашом. Ни к чему уже сейчас пересказывать содержание состоявшейся беседы, лишь главное. Прощаясь, полковник сказал, что повестку для отправки в училище на экзамены Матвею пришлют (сопровождавший его капитан при этом кивнул головой), пожелал Матвею удачи и попросил написать ему о результатах поступления в училище. Эта просьба была выполнена потом Матвеем сразу же после объявления приказа о зачислении.

Машина уже скрылась в низине за поворотом, а Матвей как истукан застыл на месте. Всё произошло так неожиданно, что он совершенно не мог определиться: радоваться ему или разрыдаться от появившейся возможности реализовать вынашиваемую в таких долгих муках мечту. Во время всей этой встречи с таким большим воинским начальником рабочий люд находился в отдалении, не работал, но лишь наблюдал за происходящим. Слышать разговор он, естественно, не мог. А теперь новая загадка: военные уехали, а Матвей как столбик стоит на месте. За что они его и чем так прочно припечатали к земле? Народ, конечно, почти бегом к нему. Пришлось раскрыть «страшную тайну» с написанием письма Министру Вооружённых Сил. То, что Матвея не отправили в училище, все давно знали, сочувствовали, переживали, а помочь они ничем не могли. А о его письме не знали даже родственники.

Так закончился этот хмурый, но такой обнадеживающий сентябрьский день, ставший для Матвея исходной точкой долгого служения Отечеству нашему в рядах Вооружённых Сил.

Дальнейшие события разворачивались не менее стремительно. Уже дня через три после тех волнений на сенокосе сосед Сергей Васильевич, теперь работающий военруком в школе, привёз Матвею повестку прибыть 16 сентября в военкомат для отправки в училище. Если не изменяет память, то уже через сутки со своим холщёвым мешочком, в котором был вручённый в военкомате тонкий запечатанный пакет с личным делом Матвея, и продукты, которые ему собрали в дорогу (кусочек сала, варёные куриные яйца, домашняя лепёшка) добрался до Гомеля, в котором теперь осталось только среднее военное радиотехническое училище, так как высшее, в которое в начале и планировался, уже переехало в Минск.

Практическая реализация жизненного выбора

Матвей с тех давних пор значительно «подрос» в понимании того, что происходит на земле. Он крепко убедился в том, что реальная жизнь настолько сложна, многогранна, противоречива и даже не предсказуема, неожиданно преподнося всякие приятные или огорчительные сюрпризы. Поэтому рассмотрение всего происходящего в этом подлунном мире в двух измерениях (хорошо-плохо, полезно-вредно, правильно-неправильно, истинно-ложно и т. п.), конечно же, лишь будет удалять от установления желаемой многими той самой «правды».

Потому что всё происходящее воспринимается людьми по-разному, каждым по-своему. Кого-то оно трогает, кого-то даже очень, до всех глубин души, а кого-то вообще не задевает «никаким боком». Потому что оно не его, на его жизнь и благополучие, на здоровье, на его положение в семье, в выбранной сфере деятельности никак не влияет. Так зачем в таком случае расходовать жизненную энергию на ненужные эмоции? Она, скорее всего, пригодится на действительно необходимые для собственной жизни действия. Именно для собственной жизни!

Но часто бывает ведь и так, что какая-то часть окружающих (волею случая или судьбы) людей примет участие в решении и твоей проблемы. Ведь они то же продукт этого мироздания и подсознательно чувствуют, что и у них может произойти что-то такое, когда даже простое сочувствие, тем более соучастие в решении твоей проблемы, может оказаться бесценным даром, позволившим справиться с жизненными невзгодами.

При всех претензиях к той, советской власти, следует всё-таки признать, что проводимая ею воспитательная работа хотя бы в форме лозунгов о дружбе и братстве, о справедливости, о взаимоуважении и взаимопомощи и т. п. уменьшала число разного рода негодяев, подобных тому продажному военкоматовскому майору. Ведь всё-таки судьбу Матвея «там, наверху», решали не отпетые мошенники, для которых судьба сельского паренька была бы совершенно безразлична. А люди, у которых, несомненно, имелось в душе и чисто человеческое качество о необходимости оказания помощи безвинному страдальцу. Если бы они оказались под стать тому майору, то не стоять бы сейчас Матвеем на КПП училища.

Сюда Матвей прибыл всё-таки в каком-то двойственном, что ли, состоянии. С одной стороны, – ещё не прошло ощущение себя беззащитной сироткой, на пути у которого ещё могут встретиться разного рода обидчики даже в воинском звании. А с другой стороны, -укрепилось в сознании стремление добиться выполнения глубоко проникшей в душу задачи бороться за свою мечту, за обретение возможности продолжить образование. Сейчас даже может показаться странным, что Матвей, прежде всего, думал об учёбе и меньше всего о военной карьере.

Даже на КПП училища, представ перед очень чистыми, аккуратно одетыми курсантами, несущими в наряде здесь службу, и сильно удивившимися цели прибытия сюда какого-то уж по сравнению с ними тихого, вроде бы, даже и не очень смелого парня. «Ведь приём в училище уже закончился!» -был их ответ.. Достав из мешочка предписание, Матвей представил его дежурному, тот чертыхнувшись, позвонил дежурному по училищу, который то же выразился, мягко выражаясь, удивлённо, но, тем не менее, через некоторое время позвонил с требованием прибыть Матвеем в управление училища. Кадровики, изучив представленный им пакет, вызвали из лагеря, в котором жили зачисленные в училище абитуриенты, командира роты. Прибывший старший лейтенант, почему-то долго цокал языком, видя перед собой в лице Матвея прямо-таки какое-то, если и не чудо, но уж точно, явление, добавившее ему много проблем: «Вам же нужно сдавать экзамены, а где сейчас найти преподавателей, они уже давно свои дела закончили. Ну ладно, буду думать, где их найти и когда они смогут Вас проэкзаменовать».

Поселили Матвея в палатку с ребятами, одетыми «по-гражданке». Это была небольшая группа абитуриентов, по разным причинам, в основном из-за болезни, не зачисленная пока в училище. Все продовольственные припасы из холщёвого Матвеева мешочка вечером были

полностью оголодавшей братией реализованы, но зато сразу появились друзья, с некоторыми из которых Матвей дружил не только в училище, но даже и после его окончания. На следующий день командир роты, тот самый старший лейтенант, вручил Матвею экзаменационный лист, указал дорогу в учебный корпус, где он должен был сам найти экзаменаторов.

В этот день встречи со всеми преподавателями и с теми, кто подсказывал дорогу в очередную аудиторию, начинались с расспросов: «откуда и почему так поздно, и пр., и пр.» Все экзамены (математика, физика, литература и немецкий язык) Матвей сдал до обеда, а придя в лагерь и представив экзаменационный лист с отличными оценками, услышал одобрительное хмыканье его куратора: «такого в училище ещё не было, чтобы в один день сдать все экзамены с отличными результатами». Матвей даже до сих пор помнит фамилию экзаменатора по математике, восхитившегося его готовностью отвечать без подготовки на вопросы билета, и двух уже пожилых инженеров-полковников на цикле электротехники, принимавших у него экзамен по физике и заодно, кто бы мог предположить, по литературе. Именно они фактически и обеспечили Матвею поступление в училище. Через несколько дней состоялась так называемая «мандатная комиссия» и Матвей был официально зачислен курсантом Гомельского радиотехнического училища войск ПВО страны, которое и закончил с отличием в 1957 г.

Но служить в радиотехнических войсках по профилю подготовки училища Матвею так и не пришлось. Ещё до выпуска была отобрана группа курсантов, которая заполнила анкеты на допуск к службе в каких-то секретных войсках, о которых курсантам ничего не было известно. По выпуску, получив предписание в неизвестную курсантам воинскую часть в Москве никаких восторженных эмоций не испытывали.. Потому что приписка воинской части к какому-то городу совершенно не означала, что она (часть) дислоцируется именно здесь, а если и дислоцируется, то только штаб, а боевые подразделения могут располагаться и в сотне километров от штаба. В радиотехнических войсках с этими «условными» адресами встречались неоднократно.

Но вдохновляло то, что теперь своими глазами можно увидеть столицу, в которой до сих пор многие ещё не бывали. Тогда о прибытии поезда обязательно объявлялось по поездной трансляции, что «наш поезд... прибывает в столицу нашей родины город-герой Москву». Сейчас это всё забыто, а тогда напоминание о Москве как городе —герое вызывало в душе прямо-таки чувство гордости за страну и её столицу. Это, конечно, по впечатлениям Матвея, хотя теперь и лейтенанта, но в душе всё-таки сохранившего глубокие отпечатки крестьянского происхождения. У других могло быть и иначе, просто буднично.

В первый день пребывания в столице только и «посылали». С Интернациональной улицы (тогда была такая), где размещалось, как потом выяснили, Управление кадров 1-ой Армии ПВО Особого назначения, далее уже группками по несколько человек с новыми предписаниями разъезжались за пределы Москвы, правда, не очень далёкие. Так группка из трёх человек оказалась опять в каком-то большом штабе, расположенном за Минским шоссе напротив железнодорожной станции Внуково, на которой и высадились. Добравшись до КПП, кто-то из лейтенантов ещё и пошутил, что здесь, конечно, служить можно, Москва то ведь рядом. Но в отделе кадров этого штаба опять вручили новые предписания в какие-то другие части. Матвей то ли от голода (с утра во рту ничего не было), то ли от усталости, осмелев, спросил у майора-кадровика: «а там ещё дальше пошлют?». На что тот, усмехнувшись, ответил, что «дальше уже некуда».

Так он и оказался в зенитно-ракетном полку особого назначения (знаменитая система С-25) первого (дальнего) эшелона ПВО Москвы, дислоцированного примерно в ста километрах от столицы, -это если по карте, а по реальным дорогам полдня надо было израсходовать, чтобы добраться до столицы. Транспортное сообщение в те годы было весьма скудным. Правда, для нормального функционирования этой системы обороны специально были построены две кольцевые дороги вокруг Москвы и радиальные с бетонным покрытием, по которым

осуществлялся подвоз ракет с баз снабжения. Эти дороги, получившие в обиходе название «бетонок», стали уже в то время большим стимулом для развития всей подмосковной инфраструктуры. К настоящему времени они капитально отреставрированы, расширены и заасфальтированы, став, в частности, Центральной кольцевой дорогой, призванной разгрузить от транспорта МКАД, а вообще, значительно расширив возможности автотранспортного сообщения московского промышленного региона. Это теперь так стало. А тогда...!

Впрочем, речь не о дорогах, а всё-таки о службе в этих войсках. Матвей был назначен на станцию наведения ракет и первое впечатление от того огромного полуподземного бетонного бункера, в котором и размещалась вся аппаратура станции (кроме антенных систем) для него было ошеломительным. Дело в том, что все радиолокационные станции, которые изучали в училище, размещались в одном — двух специальных автомобильных кузовах и по своему объёму не шли ни в какое сравнение с тем, что предстало за открывшейся дверью. Матвей даже застыл от оцепенения: как всё это можно познать! Но его теперешний начальник, изучавший эту аппаратуру ещё в зенитно-ракетном училище и уже два года здесь прослуживший, поняв состояние Матвея, произнес фразу про «барана перед новыми воротами», подтолкнул его к реальности.

Знание основ электротехники, радиотехники и радиолокации у Матвея по меркам, конечно, училища было достаточным для того, чтобы освоить и эту аппаратуру, поразившую вначале своим объёмом. И уже через год, будучи назначенным на новую должность, но уже в составе командного пункта полка, сдав корпусной комиссии все полагающиеся экзамены, ему была присвоена квалификация специалиста «первого класс». (Тогда ещё не был установлен срок для каждой классной категории в один год). Невиданный в полку прецедент. Здесь такого ещё не было, чтобы изучить и научиться работать за год на трёх системах, полагающихся для присвоения квалификации первого класса. Стремление к постоянному накоплению знаний и совершенствованию практических навыков по работе на всех системах станции было у Матвея самой настоящей внутренней потребностью. И никак по-другому вести себя он не мог.

Но вот что стал замечать Матвей в тогдашней социалистической реальности. Получение аттестации специалиста высокой квалификации вело к тому, что его стали теперь назначать исполнять обязанности по смежной специальности в случае отсутствия там штатного специалиста в случае его болезни, отпуска или каких-то других причин. Причём, исполнение обязанностей по своей штатной должности не отменялось. А это ведь уже дополнительная нагрузка, никак не способствующая сохранению здоровья. Такая нагрузка резко сокращала время на общение с семьёй, которая оставалась одна, потому что офицеры в составе сокращённого боевого расчёта полка постоянно, безвыездно, находились на объекте всю неделю. Таков был график дежурств. Через неделю заступал следующий расчёт и если в том расчёте не было по указанным причинам нужного специалиста, то дежурить и ещё неделю «за того парня» приходилось тому, кто был допущен, как, например, Матвей, к исполнению и его обязанностей.

Интересная складывалась ситуация. Те, кто, грубо говоря, валял дурака, и не рвался к освоению других специальностей, оказывались в более выгодном положении: зарплата одинаковая, а нагрузка значительно меньше. А такие как Матвей любознательные и вдобавок ещё и добросовестные, если не находились на дежурстве, то назначались и начальниками караулов, и в другие наряды и на хозяйственные работы. На третьем году службы в полку уже в соответствии с графиком дежурств Матвей регулярно исполнял наряду со своими штатными ещё и обязанности оперативного дежурного командного пункта полка. В частности, 1-го мая 1960 г., когда был обнаружен американский самолёт-шпион, он поднимал полк по боевой тревоге, будучи в этот праздничный день оперативным дежурным. Это лишь отдельные эпизоды из его службы. Тяжёлая это была служба. С лейтенантской зарплатой жизнь фактически на две семьи была безрадостной, ибо за питание во время дежурства нужно было платить или военному торговцу, привозящему пищу на объект, либо части, если переходили на солдатский паёк.. «Идя

навстречу пожеланиям трудящихся», потом стали частично компенсировать расходы: 50 коп. за сутки дежурства.

Казалось бы, что если добросовестно трудишься, то и к тебе должны относиться с уважением. Но не всегда так было. Ещё с третьего года службы Матвей начал заикаться о направлении его на учёбу в академию, а на четвёртом году его просьбы стали всё настойчивей. Он уже не мог мириться со своим положением какого-то недоучки, ибо среднее военное училище даёт весьма ограниченный объём знаний, не позволяющих решать даже простые инженерные задачи. Матвей занимался самостоятельно и высшей математикой, и радиолокацией, но полученные знания практически некуда было применить, что, конечно же, лишь удручало.

И вот наконец-то появилась возможность попытаться поступить в Харьковскую Артиллерийскую Радиотехническую Академию, для чего нужно было прибыть туда к 1-му июля на учебные сборы для подготовки к вступительным экзаменам, которые традиционно начинались с 1-го августа. Но тут опять Матвею как всегда «повезло». В июле 1961 г. полк, согласно утверждённого графика, убывал на полигон Капустин Яр для проведения плановых боевых стрельб. К стрельбам готовились очень напряжённо, практически начиная с Нового года. И командир, назначенный на эту должность лишь год назад, категорически отказал старшему лейтенанту в поездке на учебные сборы в академию, сказав, что главная задача полка это успешное проведение стрельб. А куда же теперь без специалиста 1-го класса, опалённого ещё в августе 1959 г. таким не милосердным полигонным солнцем, под которым он выпустил по целям аж три боевые ракеты, получив за результаты работы очень высокие оценки. Спорить с командиром в таких случаях бесполезно, хотя в штате значатся ещё два офицера пуска (так называлась должность Матвея), так же несущих боевое дежурство и так же готовящихся к стрельбам. «Но они теоретически хуже подготовлены». Доверять нельзя. Хотя служат уже дольше.

Совмещать же подготовку к вступительным экзаменам с подготовкой к боевым стрельбам можно было только за счёт сна. Удручало ещё и то, что в Академии занятия проводят преподаватели, которые и будут принимать потом экзамены. Короче говоря, Матвея лишили «руля и ветрил», нужно было полагаться только на собственные силы. Отстрелявшись (в этот раз ему довелось выпустить только две ракеты), Матвею и такому же, как и он, страдальцу, но с передатчиков, выписали предписание на убытие в академию. До первого экзамена оставалось всего шесть дней. По прибытии в Чугуев (там был летний лагерь академии, где в палаточном городке живут все абитуриенты и там же проходят экзамены) до первого экзамена, а им традиционно всегда была математика письменная, оставалось ровно три дня. Что можно выведать за это время у абитуриентов с месячной подготовкой? Мало чего, хотя аборигены встретили горемык вполне благожелательно.

И вот он на следующий день результат первого экзамена: полковой товарищ Матвея, так же как и все другие неудачники, получившие за экзамен двойку, смиренно отнесли на склад постельные принадлежности и убыли в свои части для дальнейшего прохождения службы. Матвей же получил четвёрку и окрылённый этим успехом взялся вместе с аборигенами за подготовку к экзамену по математике устной, которая (по информации из прошлых лет) отсеивала тоже много абитуриентов. Первый раз на этом экзамене за всю учёбу он получил тройку, правда, с плюсом, но всё равно расстроился. Успокоил начальник курса, почему-то заявивший Матвею: «Вы будете учиться в академии». Почему он был так уверен, стало понятным много позже. Это был очень прозорливый начальник, полковник, с которым после назначения Матвея командиром учебной группы сложились очень хорошие деловые и просто человеческие отношения.

Все последующие экзамены Матвей сдал с оценками хорошо и отлично, и теперь вроде бы волноваться уже было не о чем. Но на приёмной комиссии начальник академии вдруг задаёт вопрос: «почему у вас не снято взыскание, наложенное ещё более двух лет назад?» Старший

лейтенант даже опешил, потому что – хорошо знал, что этот выговор у него был снят давным-давно, свидетельством чему являются многие поощрения, которые не объявляются при наличии взыскания (таков установленный порядок), в том числе и грамота от командующего армией, объявленные в последующее после взыскания время. Пояснительный доклад, по-видимому, убедил начальника академии в «непорочности» абитуриента, потому что он хорошо знал проявления разгильдяйства в штабах, когда взыскания спешили в карточку записать, а о поощрениях забывали. Ведь снятие взыскания всегда считалось поощрением. Слава Богу, инцидент был исчерпан, и уже во второй половине дня начальник курса объявил список новых слушателей академии. В этом списке оказался и Матвей. Жаль было смотреть на небольшую группу офицеров, хотя и сдавших все экзамены, но не зачисленных в академию, в основном, из-за низких оценок.

Учёба в академии доставляла Матвею удовольствие, он всецело отдавался процессу познания, работал над учебным материалом и дополнительной литературой много и охотно, что сказывалось на его успеваемости. Первый и второй курсы закончил по всем предметам на «отлично», и если бы не досадное проявление самоуспокоенности, вылившееся в «четвёрку» по теории вероятностей, то возможно, и вся последующая учёба оценивалась бы отлично. Нельзя в серьёзных делах расслабляться даже на короткое время. Но всё равно, Матвей очень доволен и дипломом с отличием и тем, что посчастливилось быть на приёме в Кремле в честь выпускников высших военных учебных заведений.

Вся последующая после окончания академии служба вплоть до увольнения в запас проходила в войсках Противоракетной Обороны, начиная с периода строительства объектов, монтажа и настройки аппаратуры, затем участия в проведении заводских (конструкторских), государственных и приёмо-сдаточных испытаний. Значительное время пришлось заниматься организацией эксплуатации и несением боевого дежурства сложнейших радиолокационных систем ПРО. Для Матвея Трофимовича этот период жизни был весьма насыщенным разного рода событиями, совместной работой с выдающимися конструкторами, известными военачальниками, должностными лицами крупнейших производственных предприятий, участвовавших в кооперации по созданию аппаратуры для объектов системы ПРО. Этот период был весьма напряжённым, несомненно, сказавшимся на сохранении здоровья его и членов его семьи.

Таков вкратце жизненный путь Матвея Трофимовича от «терний к звёздам». То, что на этом пути были успешно преодолены естественные и созданные недоброжелателями весьма значимые препоны, по убеждению Матвея Трофимовича, является не только его заслугой, но и покровительством сил небесных, ибо во всех земных деяниях каждого человека неизменно присутствует воля Божья. Господь же дарует свою милость тем, кто не только на него надеется, но и сам не плошает, и напряжённо работает, не огорчая его непристойным поведением. Таковы убеждения человека, теперь уже больше уповающего именно на милость Божью.

И, наконец, вынужденное, ранее никак не планируемое, и совсем не лирическое отступление об отношении к одному из важнейших проявлений человеческого бытия.

Ставил ли Матвей Трофимович себе задачу занять какое-то заметное положение в советском обществе, в котором прошла большая часть его жизни? Этот вопрос у него возник совершенно спонтанно по прошествии многих лет после того, как уже ни о какой карьере по объективным причинам говорить стало просто неуместно. Матвей Трофимович совершенно искренне изложил свой вывод о том, что даже в мыслях у него никогда не было стремления сосредоточиться и направить все свои усилия исключительно на перемещение вверх по служебной лестнице для занятия какой-то высокой должности. Все его устремления были направлены на непрерывное расширение познаний и применение их на практике в выбранной благодаря сложившимся обстоятельствам сфере деятельности. Такой сферой для него стала

радиолокация, не столько в теоретическом её развитии, сколько в её практических приложениях.

Основой подготовки их поколения было привитие молодым людям, вступающим в жизнь, убеждённости в том, что главным в их жизни должна быть добросовестная работа на всех постах, куда определяло начальство. Такое воспитание в том социалистическом обществе имело своей целью «думать, прежде всего, о родине, а потом о себе». Этому призыву и следовало большинство молодых людей.

Но все ли были так же воспитаны? Далеко, нет! «Прозрение» у Матвея Трофимовича наступило, конечно же, не сегодня, а ещё в курсантские, а потом утвердилось и в годы «взрослой» службы, потому что «кривизна» в жизни была заметна всегда. В курсантские годы приходилось видеть просто мелких пакостников, даже воришек, которые, как правило, коллективом выдавливались из своих рядов. Уже в последующие годы пришлось столкнуться с выделяющейся на общем фоне категорией «служак», мало уважаемых, представляющих лишь небольшую часть сослуживцев, которые всю свою деятельность строили таким образом, чтобы быть постоянно заметными (понятно, перед кем!). Их звали показушниками, их не уважали, потому что они могли ради своих корыстных целей и подставить, а то и опорочить своих добросовестных даже вроде бы товарищей.

Ведь не на пустом месте родилось понятие «идти по головам». И они действительно не только шли, а бывало, что даже и шагали, если у них были покровители. А среди покровителей были часто должностные лица, которых язык не повернётся назвать командирами-начальниками, а, извините, просто коммерсанты, готовые за определённую мзду оказать любую «услугу». По сути своей - продажные шкуры. Они встречались на всех уровнях служебной лестницы, вплоть до Генерального штаба. К великому сожалению и огорчению. За свою долгую службу насмотрелся Матвей Трофимович всяких и полковников и тех, кому пришили лампасы. И здесь ничего неожиданного нет, если опять вспомнить о соотношении у каждого человека его разумного начала и природных инстинктов, и превалировании одного над другим. Но, к сожалению (впрочем, может и не к сожалению) и то, и другое- всё от Творца всего сущего на этой земле. И никуда от этого не деться. Таково устройство жизни.

Сейчас Матвей Трофимович может лишь пожалеть о том, что не была самому себе поставлена такая амбициозная цель в службе. А раз задача не была сформулирована, то и не было потребности использовать не такой уж малый -интеллектуальный потенциал его, о котором, кстати, хорошо знало большое и малое начальство, при каждом случае пользовавшееся в своих интересах и его грамотностью и, часто, природной покладистостью характера, «освящённой» и упомянутым выше лозунгом. Знало начальство и то, как непримиримо Матвей Трофимович относился ко всякому проявлению стяжательства со стороны любого должностного лица, высказывая часто прямо в лицо своё неприятие их позорных действий. Разве за такое будут любить и продвигать по службе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.